
ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СССР, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Подготовка и открытие конференции

Вопрос о необходимости проведения новой конференции основных участников антигитлеровской коалиции, наподобие той, что состоялась в Тегеране, впервые встречается в переписке И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем летом 1944 г. Причем с инициативой ее проведения выступили руководители западных держав. В послании И. В. Сталину 19 июля президент США, имея в виду открытие второго фронта на Западе, успешные действия союзных войск в Италии и энергичное наступление Красной армии в Белоруссии, писал: «Поскольку события развиваются так стремительно и так успешно, я думаю, что в возможно скором времени следовало бы устроить встречу между Вами, Премьер-Министром и мною. Г-н Черчилль полностью согласен с этой мыслью». Ф. Рузвельт хотел провести эту конференцию в ближайшее время — в период между 10 и 15 сентября. «Я сейчас совершаю поездку по Дальнему Западу и должен пробыть в Вашингтоне несколько недель после своего возвращения», — писал он И. В. Сталину. Самым подходящим местом для встречи он считал северную часть Британских островов — Шотландию, расположенную приблизительно на полпути между Вашингтоном и Москвой, куда И. В. Сталину, по его мнению, было бы удобно добраться «либо на корабле, либо на самолете»¹.

На следующий день к предложению американского президента присоединился и У. Черчилль. Его послание, адресованное И. В. Сталину, было большей частью посвящено различным аспектам организации арктических конвоев и урегулирования польского вопроса, уже больше года омрачавшего отношения между союзниками. В заключение говорилось: «Весь мир восхищается организованным наступлением на Германию с трех направлений сразу. Я надеюсь, что Вы, Президент и я сможем встретиться в том или ином месте до наступления зимы. Это встрече стоит устроить ради несчастливых людей повсюду»².

И. В. Сталин сдержанно отреагировал на предложение Ф. Рузвельта и У. Черчилля. 22 июля он ответил президенту США, что разделяет его мысль о желательности трехсторонней встречи в верхах, однако находит ее несвоевременной ввиду обстановки на советско-германском фронте: «Теперь, когда советские армии втянулись в бой по столь широкому фронту, мне невозможно было бы покинуть страну и отойти на какое-то время от руководства делами фронта»³. А свой ответ британскому премьер-министру И. В. Сталин целиком

посвятил изложению политики советского правительства по отношению к Польше в связи освобождением Красной армией города Люблина⁴.

В следующем послании 24 июля У. Черчилль вернулся к вопросу о новой конференции руководителей трех держав. При этом он дал И. В. Сталину ясно понять, что вполне разделяет доводы Ф. Рузвельта в ее пользу и придерживается согласованных с ним позиций. «Вы, несомненно, — писал британский премьер, — уже получили телеграмму Президента с предложением о еще одной встрече между нами тремя на севере Шотландии приблизительно во второй неделе сентября. Мне нет необходимости говорить о том, как искренне правительство Ее Величества и я лично надеемся на то, что Вы сможете приехать. Я хорошо знаю Ваши трудности, а также то, насколько Ваши передвижения должны зависеть от обстановки на фронте, но я прошу Вас принять во внимание, что тройственная встреча имела бы большие преимущества и упростила бы ведение всех наших дел, как это случилось после Тегерана». По мнению У. Черчилля, лучшим местом для проведения конференции был бы шотландский городок Инвергордон. О предполагаемой конференции У. Черчилль писал И. В. Сталину как о деле практически решенном: «Тем временем я веду подготовку для Президента и для самого себя, поскольку он уже сообщил мне о своем намерении приехать»⁵.

Однако ни уговоры, ни мягкая попытка оказать давление на И. В. Сталина не возымели действия. В ответном послании У. Черчиллю 26 июля советский руководитель был краток. Он почти слово в слово повторил то, что уже писал по этому поводу американскому президенту: «Что касается встречи между Вами, г-ном Рузвельтом и мною... то и я считал бы такую встречу желательной. Но в данное время, когда советские армии ведут бои по широкому фронту, все более развивая свое наступление, я лишен возможности выехать из Советского Союза и оставить руководство армиями даже на самое короткое время»⁶.

И американский президент, и британский премьер-министр согласились с доводами И. В. Сталина. 28 июля ему об этом в доверительном тоне сообщил Ф. Рузвельт: «Я могу вполне понять трудность Вашей поездки на совещание с Премьер-Министром и со мной, но я надеюсь, что Вы будете помнить о таком совещании и что мы сможем встретиться так скоро, как это будет возможно. Мы приближаемся ко времени принятия дальнейших стратегических решений, и такая встреча помогла бы мне во внутренних делах». В ответе американскому президенту 2 августа И. В. Сталин подтвердил, что только в силу крайней необходимости был вынужден отклонить приглашение: «Я разделяю Ваше мнение относительно значения, которое могла бы иметь наша встреча, но обстоятельства, связанные с военными операциями на нашем фронте... не позволяют мне, к сожалению, рассчитывать на возможность такой встречи в ближайшем будущем»⁷. Таким образом, вопрос о сроках проведения конференции он оставил открытым.

В отличие от американского президента У. Черчилль не скрывал, что разочарован решением И. В. Сталина. 29 июля он дал это понять советскому руководителю: «Я должен с большим сожалением, но с полным пониманием принять то, что Вы заявляете по поводу нашей возможной встречи. Я предполагаю, что Вы также уведомили об этом Президента». 1 августа И. В. Сталин ему ответил: «По поводу невозможности в настоящее время нашей с Вами и Президентом встречи я тогда же известил Президента, объяснив мотивы»⁸.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль в середине сентября встретились в канадском Квебеке (так называемая Вторая Квебекская конференция). Здесь, во время двусторонних переговоров, на которых затрагивались вопросы не только ведения войны, но и послевоенного устройства Европы, они не могли не ощутить, что масштаб стоящих перед ними задач явно превосходит формат двусторонних отношений. Во всяком случае, после встречи в Квебеке они поспешили напомнить И. В. Сталину о своем предложении.

27 сентября У. Черчилль, не скрывая своего нетерпения, в «строго доверительном» послании советскому руководителю заявил, что огорчен его нездоровьем, поскольку по этой причине тот не может предпринимать «длительные путешествия по воздуху». Это было тем более печально, что Ф. Рузвельт собирался пригласить его в Гаагу, которая «была бы хорошим местом встречи». Правда, этот город еще занимали немецкие войска, «но возможно, что

ход войны, даже до Рождества, сможет изменить положение вдоль балтийского побережья в такой степени, что Ваша поездка не будет утомительной или трудной»⁹.

И. В. Сталин ответил уклончиво и на это приглашение. 30 сентября он писал У. Черчиллю: «Конечно, у меня имеется большое желание встретиться с Вами и с Президентом. Я придаю этому большое значение с точки зрения интересов нашего общего дела. Однако в отношении себя я вынужден сделать оговорку: врачи не советуют мне предпринимать большие поездки. На известный период мне придется с этим считаться». Зато против двусторонних переговоров с У. Черчиллем в советской столице И. В. Сталин не возражал, даже более того, выражал по этому поводу явное одобрение: «Я весьма приветствую Ваше желание приехать в Москву в октябре. Нам следовало бы обсудить военные и другие вопросы, которые имеют большую важность»¹⁰.

Ф. Рузвельт в своем послании И. В. Сталину выразил удовлетворение предстоящей поездкой У. Черчилля в Москву, хотя и подчеркивал, что его больше порадовали бы переговоры с участием лидеров всех трех держав: «Я твердо убежден, что мы втроем и только втроем можем найти решение по еще не согласованным вопросам». Американский президент предлагал И. В. Сталину рассматривать переговоры У. Черчилля в советской столице как предварительные, как своего рода подготовку «к встрече нас троих, которая, поскольку это касается меня, может состояться в любое время после выборов в Соединенных Штатах»¹¹.

Против такой трактовки советско-британских переговоров И. В. Сталин не возражал. По завершении визита британской делегации в Москву, со второй половины октября 1944 г., тема совместной встречи в верхах все чаще поднималась в переписке руководителей трех держав. Кажется, что к этому времени сомнений в целесообразности ее скорейшего проведения ни у кого уже не осталось, и стороны приступили к обсуждению практических вопросов ее организации. Тогда впервые и прозвучало пожелание о том, чтобы провести новую конференцию большой тройки на территории Советского Союза, в одном из приморских городов юга европейской части страны. Высказала это пожелание американская сторона, а И. В. Сталин его горячо поддержал. 19 октября он писал Ф. Рузвельту: «Посол Громько информировал меня о недавней своей беседе с г-ном Гопкинсом, в которой Гопкинс высказал мысль о том, что Вы могли бы прибыть в конце ноября в Черное море и встретиться со мной на советском черноморском побережье. Я весьма приветствовал бы осуществление этого намерения. Из беседы с Премьер-Министром я убедился, что он также разделяет эту мысль. Таким образом, в конце ноября могла бы состояться встреча нас троих, чтобы рассмотреть накопившиеся за время после Тегерана вопросы»¹².

Сам Ф. Рузвельт поддержал инициативу своего помощника. Впрочем, в ответном послании он призвал И. В. Сталина к осмотрительности в выборе места проведения конференции большой тройки: «Все мы должны изучить вопрос пригодности различных пунктов, где можно устроить нашу ноябрьскую встречу, то есть с точки зрения наличия жилых помещений, безопасности, доступности и т. д.». Американский президент не исключал возможности провести встречу где-нибудь в восточной части Средиземного моря в случае, «если бы мое прибытие в Черное море на судне оказалось слишком трудным или неосуществимым». В частности, по его словам, «условия на Кипре и Мальте с точки зрения безопасности и жилья удовлетворительны»¹³.

Но И. В. Сталин, по-видимому, уже загорелся идеей провести встречу трех лидеров на территории Советского Союза. Он предпринял попытку развеять сомнения американского президента. «Если высказанная ранее мысль, — писал он Ф. Рузвельту 29 октября, — о возможности нашей встречи на советском черноморском побережье представляется для Вас приемлемой, то я считал бы весьма желательным осуществить этот план. Условия для встречи здесь вполне благоприятны. Я надеюсь, что и безопасный доступ Вашего корабля в Черное море к этому времени будет возможно обеспечить»¹⁴.

У. Черчилля в это время больше беспокоили не вопросы, касавшиеся места проведения конференции, а европейские проблемы. 16 ноября в послании И. В. Сталину он поделился впечатлениями от переговоров в Париже с Ш. де Голлем, главой пока еще не признанного

союзными державами временного правительства Французской Республики. Упомянув о его требованиях, среди которых было и участие французских войск в оккупации Германии, британский премьер-министр заметил: «Ясно... что ничего подобного этому не может быть решено в таком вопросе, кроме как по соглашению с Президентом и Вами». Но наличие подобных вопросов, по мнению У. Черчилля, «еще более усиливает желательность встречи между нами тремя и французами в самом ближайшем будущем». Причем это не означало повышения международного статуса Франции до уровня трех других держав: «В этом случае французы участвовали бы в обсуждении некоторых вопросов и не участвовали бы в обсуждении других вопросов»¹⁵.

И. В. Сталин согласился с мнением У. Черчилля о формате переговоров с Ш. де Голлем: «Я ничего не имею против Вашего предложения о возможной встрече между нами троими и французами, если и Президент с этим согласен». Но советский лидер не смог разделить оптимизма британского премьер-министра в оценке перспектив проведения конференции большой тройки: «Надо сперва сговориться окончательно о времени и месте встречи нас троих»¹⁶.

Действительно, эти вопросы оставались открытыми. Президентские выборы в США прошли, но Ф. Рузвельт, одержавший на них уверенную победу, тянул с ответом на приглашение приехать в СССР. Он отправил И. В. Сталину подробное письмо, полученное в Москве 19 ноября, в котором изложил свои сомнения и размышления относительно места и времени проведения конференции большой тройки. Начиналось оно вполне обнадеживающе: «Все мы трое придерживаемся одного мнения, что нам следует встретиться в самое ближайшее время». Однако далее шли бесконечные оговорки и отговорки: «Некоторые факторы, главным образом географического порядка, делают это нелегким в настоящий момент». Одно из препятствий заключалось в том, что американский президент не мог отправиться в дальнюю поездку, из которой не сумеет вернуться в Вашингтон к Рождеству. Поэтому, заключал он, «было бы гораздо более удобным, если бы я мог отложить это на время после моего вступления в должность после 20 января». Ранее этого срока он тоже не мог уехать из американской столицы, потому что он должен «обратиться с ежегодным посланием к новому конгрессу, который соберется здесь в начале января». Кроме того, Ф. Рузвельту все меньше нравилась мысль о том, чтобы провести конференцию на советской территории. «Мои военно-морские органы, — говорилось далее в его письме, — решительно высказываются против Черного моря. Они не хотят идти на провозку крупного корабля через Дарданеллы или Эгейское море, так как это потребовало бы очень сильного эскорта»¹⁷. Ф. Рузвельт предпочел бы приехать в египетскую Александрию или Иерусалим, на которые якобы обратил его внимание У. Черчилль. Достаточно привлекательными ему казались и Афины.

В итоге Ф. Рузвельт попросил перенести конференцию большой тройки примерно на 28 или 30 января. И при этом явно добивался, чтобы она состоялась в каком-нибудь месте, равноудаленном от Москвы и Вашингтона, если не в географическом, то хотя бы в политическом и дипломатическом смысле. К концу января 1945 г. фронт настолько отодвинется на запад, уговаривал он И. В. Сталина, что «Вы сможете совершить поездку по железной дороге до какого-нибудь порта на Адриатическом море и... мы встретимся с Вами там, или... Вы сможете в несколько часов пересечь море на одном из наших кораблей и прибыть в Бари, а затем на автомобиле в Рим, или... Вы проследуете на этом же корабле несколько дальше, и все мы встретимся в каком-нибудь месте, например, в Таормине, в Восточной Сицилии, где в это время будет довольно хорошая погода». Как один из вариантов Ф. Рузвельт попросил И. В. Сталина рассмотреть предложение о том, чтобы «встреча состоялась где-нибудь на Ривьере, но это будет зависеть от ухода германских войск из северо-западной части Италии».

Ф. Рузвельт не исключал возможности, что вопреки всем его предположениям лидерам трех держав придется встретиться раньше планируемого срока, если в Германии внезапно рухнет нацистский режим и противник сложит оружие. Вместе с тем он не видел необходимости «откладывать встречу на более позднее время, чем конец января или начало февраля», и выражал надежду, что на этот раз положение на фронтах Красной армии не помешает И. В. Сталину предпринять дальнюю поездку.

Ливадийский дворец в Крыму

Внутренний двор Воронцовского дворца

Британские военнослужащие у входа в Воронцовский дворец

Прибытие У. Черчилля на аэродром Саки

Встреча Ф. Рузвельта на аэродроме Саки

В конце своего письма Ф. Рузвельт поднял существенный вопрос о статусе переговоров лидеров трех держав. Свою точку зрения он сообщил И. В. Сталину прямо и недвусмысленно: «Вы и я понимаем проблемы, стоящие перед каждым из нас, и, как Вам известно, я предпочел бы, чтобы эти беседы носили неофициальный характер, и поэтому я не считаю нужным составлять официальную повестку дня».

И. В. Сталин не стал скрывать своего разочарования решением Ф. Рузвельта отложить конференцию большой тройки и перенести ее куда-нибудь подальше от границ Советского Союза. Но, как видно из ответного послания американскому президенту, это дипломатическое состязание он отнюдь не считал проигранным. 23 ноября он написал Ф. Рузвельту: «Очень жаль, что Ваши военно-морские органы сомневаются в целесообразности Вашего первоначального предложения о том, чтобы местом встречи нас троих избрать советское побережье Черного моря. Предлагаемое Вами время встречи в конце января или в начале февраля у меня не вызывает возражений, но при этом я имею в виду, что нам удастся избрать местом встречи один из советских портовых городов. Мне все еще приходится считаться с советами врачей об опасности дальних поездок»¹⁸.

Время шло, а вопрос о встрече лидеров трех держав оставался нерешенным. На фоне разногласий между союзными державами и по другим направлениям политики — от будущего Польши до создания международной организации безопасности — это многим внушало сомнения в прочности антигитлеровской коалиции. Судя по документам, первым из большой тройки, кто не выдержал этого напряжения, был Ф. Рузвельт. Ближе к середине декабря 1944 г. в послании И. В. Сталину он констатировал: «Перспективы нашей скорой встречи еще не ясны», но в то же время обратил внимание своего корреспондента на необходимость «как можно быстрее пойти вперед в деле созыва общей конференции Объединенных Наций по вопросу о международной организации, в чем, я уверен, Вы согласны».

Переписка И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем не дает ответа на вопрос, когда именно и каким образом стороны сумели разрешить спор о месте проведения встречи лидеров трех держав. Но 3 января 1945 г. в послании У. Черчиллю советский руководитель писал: «Мне известно о том, что Президент имеет Ваше согласие на встречу нас троих в конце этого месяца или в начале февраля. Я буду рад видеть Вас и Президента на территории нашей страны и надеюсь на успех нашей совместной работы»¹⁹. 5 января британский премьер выразил свое удовлетворение договоренностью, достигнутой между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом: «Я жду этой важнейшей встречи, и я доволен, что Президент Соединенных Штатов готов предпринять это далекое путешествие».

Отметив обострение разногласий между западными союзниками и СССР по польскому вопросу, У. Черчилль подчеркнул, что в создавшейся обстановке «самое лучшее — это встретиться нам трем вместе и обсудить все эти дела не только как изолированные проблемы, но в связи с общей международной обстановкой как в отношении войны, так и перехода к миру». Он также предложил слово «Аргонавт» в качестве кодового обозначения конференции большой тройки²⁰. И. В. Сталину выразительная метафора британского премьер-министра понравилась. 10 января он сообщил, что одобряет ее, и, со своей стороны, попросил у него согласия на то, чтобы «в соответствии с полученным от Президента предложением... местом встречи можно было считать Ялту, а датой встречи — 2 февраля»²¹.

Не дожидаясь ответа У. Черчилля, советский руководитель по дипломатическим каналам сообщил американской стороне о своем согласии с этим предложением. Об этом свидетельствует записка посла США А. Гарримана, адресованная народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову от 12 января 1945 г.: «Благодарю Вас за Ваше письмо от 10 января. В соответствии с этим письмом я проинформировал Президента о том, что Маршал Сталин не возражает против того, чтобы установить 2 февраля датой проведения встречи в Ялте и что Маршал Сталин согласен с выбором слова АРГОНАВТ для кодового названия»²². Не заставил себя ждать и У. Черчилль. 12 января он ответил И. В. Сталину короткой телеграммой: «Окэй и всяческие добрые пожелания»²³.

В. М. Молотов пожимает руку Г. Гопкинсу на аэродроме Саки перед началом Ялтинской конференции

В. М. Молотов, А. А. Громыко и Э. Стеттиниус на аэродроме Саки

Архивные документы проливают свет на некоторые, хотя и частные, но достаточно важные обстоятельства подготовки Ялтинской конференции. 5 января 1945 г. посольство США известило В. М. Молотова о том, что «в расписании Президента теперь предусмотрено прибытие его и его группы в Крым 1-го или 2-го февраля самолетом» и что для обеспечения его связи с Вашингтоном выделен флагманский десантный корабль «Катоктин»²⁴. Уже 9 января американский посол А. Гарриман предоставил в распоряжение Народного комиссариата иностранных дел «план устройства связи для обслуживания делегации Соединенных Штатов, участвующей в «Аргонавте». Этот план предусматривал установление радиотелетайпного канала между «Катоктином» и Вашингтоном²⁵. В тот же день посольство Великобритании известило НКВД, что «в связи со встречей трех глав правительств... британское правительство хотело бы послать в Черное море пассажирский пароход «Франкония». Эта просьба отчасти мотивировалась тем, что «британскому правительству... известно, что Гарриман обращался к тов. Молотову В. М. с аналогичной просьбой, которая была удовлетворена»²⁶.

Организационная суэта заметно нарастала по мере приближения сроков Ялтинской конференции. Но она не заслоняла, а может быть, даже подчеркивала доброжелательную атмосферу, которая возобладала в отношениях между западными и советскими дипломатами в это хлопотное время. Когда подготовительные работы вступили в завершающую фазу, лидеры трех держав приняли важное решение — не предавать чрезмерной огласке ход конференции. 21 января У. Черчилль телеграфировал одновременно И. В. Сталину и Ф. Рузвельту: «Я предлагаю не допускать представителей прессы на «Аргонавт», но каждый из нас будет иметь право привезти не более трех или четырех одетых в форму военных фотографов для производства фотосъемки и киносъемки. Фотографии и кинофильмы должны быть выпущены, когда мы сочтем это подходящим... Конечно, будут опубликованы обычные одно или несколько согласованных коммюнике». И. В. Сталин уже 23 января в ответной телеграмме одобрил предложение У. Черчилля²⁷. И в тот же день в Москве была получена телеграмма Ф. Рузвельта, выражавшего согласие с мнением британского премьер-министра²⁸.

На Мальте в преддверии конференции большой тройки состоялись двусторонние британско-американские переговоры. Министры иностранных дел А. Иден и Э. Стеттиниус постарались согласовать позиции обеих сторон по тем вопросам международной жизни, которые предполагалось обсудить в Ялте. Начальники генеральных штабов обеих армий наметили план наступательных операций против Германии на завершающем этапе войны. Перед вылетом с Мальты У. Черчилль телеграфировал И. В. Сталину: «Предполагаемое время прибытия в Саки в 12 часов по московскому времени 3 февраля... Продолжим путь в Ялту на автомобиле»²⁹.

Эта поездка произвела неизгладимое впечатление на американского президента. Вернувшись в Вашингтон, он рассказывал: «Я видел примеры безжалостного и бессмысленного яростного разрушения... Ялта не имела никакого военного значения и никаких оборонительных сооружений... Мало что осталось от Ялты, за исключением руин и опустошения. Севастополь являл картину предельного разрушения, и во всем городе осталось меньше десятка нетронутых домов. Я читал о Варшаве, Лидице, Роттердаме и Ковентри, однако я видел Севастополь и Ялту, и я знаю, что на земле не могут существовать одновременно германский милитаризм и христианская добродетель»³⁰.

3 февраля 1945 г. главы американской и британской делегаций вместе с сопровождавшими их лицами благополучно достигли места назначения. В окрестностях Ялты в их распоряжение были предоставлены самые престижные исторические дворцы из тех, что меньше всего пострадали в результате военных действий. Ф. Рузвельт разместился в Ливадийском дворце, известном прежде всего как летняя резиденция русской императорской семьи. У. Черчилль поселили в Воронцовском дворце, который был и остается самым знаменитым архитектурным памятником Крыма. Юсуповский дворец, где остановился И. В. Сталин, был внешне не столь величествен, хотя и вполне соответствовал статусу главы могущественного государства. Но расположенный между Алупкой, где находится Воронцовский дворец, и Ливадией на западной окраине Ялты, он обеспечивал И. В. Сталину важное преимущество: позволял беспрепятственно видеться как с У. Черчиллем, так и с Ф. Рузвельтом. В то же время такое местоположение резиденции И. В. Сталина затрудняло их частное общение между собой.

Почетный караул советских солдат на аэродроме Саки

В. М. Молотов, У. Черчилль и Ф. Рузвельт обходят строй советских солдат

Уже после полуночи 4 февраля А. Гарриман посетил В. М. Молотова, чтобы передать от американского президента благодарность за все обеспеченные ему удобства. Посол также сообщил, что Ф. Рузвельт приглашает И. В. Сталина заехать к нему во второй половине дня для личной встречи, после чего они вместе с У. Черчиллем могли бы принять участие в официальном открытии конференции. В. М. Молотов, со своей стороны, от имени И. В. Сталина предложил, «чтобы все заседания проходили в доме, где остановился президент». Кроме обмена взаимными любезностями В. М. Молотов и А. Гарриман во время этой ночной встречи обсудили в общих чертах распорядок работы конференции. По словам наркома, И. В. Сталин рассчитывал начать конференцию с обсуждения вопроса о Германии — сначала его военных, а потом и политических аспектов. Оказалось, что это, по выражению А. Гарримана, «в точности соответствует пожеланиям президента». Мнения И. В. Сталина и Ф. Рузвельта совпали и относительно продолжительности конференции — 5–6 дней³¹.

В полдень 4 февраля В. М. Молотов встретился и с А. Иденом. Тот не возражал против согласованного ранее с А. Гарриманом распорядка работы конференции. Но по поводу ее продолжительности британский министр заметил, что это «будет зависеть от того, насколько быстро будут рассмотрены все вопросы». Ведь, по его мнению, кроме германского требовалось обсудить и другие сложные вопросы: о международной организации безопасности, о Польше. Воспользовавшись удобным моментом, В. М. Молотов как бы невзначай заметил, что «англичане и американцы уже переговорили друг с другом и тем самым облегчили дело конференции». Эта на первый взгляд невинная ремарка со всей очевидностью отражала обеспокоенность наркома возможностью сговора западных держав за счет советских интересов. А. Иден поспешил рассеять его опасения. Он утверждал, что «никаких переговоров между англичанами и американцами на Мальте не было», а У. Черчилль и Ф. Рузвельт почти не общались между собой. В итоге встречи советский и британский министры сошлись во мнении, что тематику дискуссий на конференции не следует ограничивать жесткой повесткой дня. Достаточно, по словам В. М. Молотова, «иметь некоторый порядок обсуждения вопросов»³².

Первым из высоких гостей, кого посетил в Крыму И. В. Сталин, был У. Черчилль. В три часа пополудни 4 февраля началась их встреча в Воронцовском дворце. Главной темой разговора была обстановка на соответствующих фронтах. Оба лидера признавали, что Германия практически исчерпала возможности для активного ведения боевых действий. Ввиду недостатка угля и хлеба, по словам И. В. Сталина, «возможен внутренний крах до ее военного поражения». У. Черчилль согласился с таким прогнозом. Выслушав пояснения фельдмаршала Х. Александера о положении на фронте в Италии, И. В. Сталин высказал предположение о желательности переброски части сил союзников оттуда «через Адриатическое море для совместного наступления с Красной армией в районе Австрии». В ответ на это замечание британский военачальник заявил, что «в настоящее время у него нет в наличии свободных сил для этой операции» и, кроме того, «сейчас уже поздно приступить к ее осуществлению»³³.

По окончании беседы с У. Черчиллем И. В. Сталин в четыре часа дня уже входил в Ливадийский дворец. Ф. Рузвельт в самой резкой форме осудил вандализм оккупантов, говоря, что «поражен бессмысленными и беспощадными разрушениями, произведенными немцами в Крыму». По его сведениям, столь же возмутительно немецкие захватчики вели себя и в других странах, поэтому было бы справедливо «вернуть из Германии все те предметы, которые немцы туда увезли из других мест, в том числе из Крыма». И. В. Сталин согласился с американским президентом, что «немцы не имеют никакой морали», они «настоящие варвары». Оба лидера обменялись новостями о ходе военных действий на фронтах, затронули некоторые вопросы военного и политического сотрудничества. В частности, Ф. Рузвельт обратился к И. В. Сталину с просьбой «разрешить советским военным обсудить с военными представителями союзников военные вопросы во время нынешней конференции». А учитывая, что «армии союзников, наступающие с запада и востока, настолько близки друг от друга», он высказал пожелание, чтобы генерал Д. Эйзенхауэр «сносился непосредственно со штабом наступающих советских армий». В заключение главы государств подробно и откровенно обсудили политику союзников по отношению к освобожденной Франции³⁴.

В пять часов пополудни, когда все делегации были в сборе, И. В. Сталин неожиданно попросил именно американского президента открыть конференцию. Ялтинская, или Крымская, конференция большой тройки по характеру и важности принятых на ней решений заметно выделяется на фоне всех других международных встреч представителей союзных государств периода Второй мировой войны. Ее не без оснований называют неким прообразом мирной конференции, сравнивают по значению с такими событиями международной политики, как Венский конгресс 1814–1815 гг. и Парижская мирная конференция 1919 г.³⁵

Конференция продолжалась дольше, чем первоначально рассчитывали ее участники, — восемь дней, с 4 по 11 февраля 1945 г. включительно. Основной формой ее работы были заседания глав правительств — И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Их так и называли — «заседания конференции», и проводились они в Ливадийском дворце. Там же были подписаны итоговые документы. Совещания министров иностранных дел, на которых прорабатывались те или иные вопросы по поручению глав правительств, являлись вспомогательной формой работы конференции. У. Черчилль свидетельствовал: «Совместная работа министров иностранных дел была столь превосходной, что почти ежедневно проблемы, переданные на их рассмотрение, возвращались на наши совместные заседания в таком виде, что можно было достичь окончательного соглашения и принять устойчивые решения»³⁶. Министры собирались на свои совещания поочередно в каждом из дворцов, занимаемых делегациями. Происходили также беседы между главами правительств и министрами иностранных дел вне основного формата, как бы на «полях» конференции. Всего состоялось восемь заседаний глав правительств и семь заседаний министров иностранных дел. Кроме упомянутых выше бесед В. М. Молотова с А. Гарриманом и А. Иденом, а также И. В. Сталина с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, состоявшихся 4 февраля до формального открытия конференции, имели место еще две подобные встречи: 8 февраля — беседа И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом и 10 февраля — беседа И. В. Сталина с У. Черчиллем и А. Иденом³⁷.

Первой значительной публикацией материалов Ялтинской конференции явился сборник, подготовленный Государственным департаментом США в 1955 г.³⁸ Затем с учетом этого издания в 1984 г. в виде четвертого тома документальной серии «Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» вышел сборник «Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.)», основанный на архивных документах советского внешнеполитического ведомства. Все документы в нем — записи заседаний, бесед, письма и записки, которыми обменивались между собой участники конференции, проекты решений и итоговые документы — приводятся на русском языке, причем, «как правило, по текстам, хранящимся в архивах»³⁹. Затем вышла факсимильная публикация ялтинских документов и фотографий из личного архива И. В. Сталина⁴⁰.

Предчувствуя, что споры по повестке дня могли бы затянуться, участники конференции благоразумно от нее отказались. Каждая делегация получила, таким образом, право поставить на обсуждение те вопросы, которые ее больше всего интересовали. Но это еще не гарантировало, что дискуссия по ним действительно состоится. Дальше все зависело от того, хватит ли времени на обсуждение всех поставленных вопросов, поскольку изначально главы правительств на работу конференции отводили 5–6 дней, а также готовы ли к этому другие делегации.

Приоритеты, во всяком случае, обнаружили уже с самого начала конференции. Еще на стадии предварительных консультаций, в том числе бесед министров иностранных дел и глав правительств, проведенных за считанные часы до ее первого заседания, выяснилось, что советская сторона придает первостепенное значение вопросу о Германии как в его военных (скорейший разгром противника), так и политических аспектах (как победителям строить с ней отношения дальше). Американская сторона отдавала предпочтение вопросу о создании международной организации безопасности, а британская — польскому вопросу. При этом, как показали события, от обсуждения отдельных аспектов германской проблемы, связанных

с послевоенным урегулированием, американская и британская делегация хотели бы уклониться. Тогда как советская делегация с подозрением относилась к американским планам создания международной организации, опасаясь некоего нового пресловутого «единого фронта» империалистов против социалистического государства. Не стремилась она и к интернационализации польского вопроса. Еще в беседе с А. Иденом 4 февраля В. М. Молотов заявил: «Главное сейчас состоит в том, чтобы не мешать полякам, поскольку Польша уже освобождена»⁴¹.

Но стороны понимали, что если они откажутся от обсуждения вопросов, которые хотя бы одна из них считает для себя главными, то они заведут конференцию в тупик. Такого поворота событий они по объективным причинам стремились во что бы то ни стало избежать, поэтому, скрепя сердце, соглашались на обсуждение неприятных для себя тем и прилагали усилия к поиску по ним взаимоприемлемых компромиссов.

Три указанных вопроса и стали центральными в дискуссиях на Ялтинской конференции. По этим вопросам на конференции были приняты самые важные по существу и резонансные с точки зрения общественности решения. Если судить по опубликованным материалам Ялтинской конференции, то на эти три вопроса приходилось не меньше половины объема всей работы, выполненной делегациями.

На конференции затрагивались и многие другие темы. Большое оживление вызвал вопрос о статусе Франции, претендовавшей на более значимую роль в составе антигитлеровской коалиции, чем другие освобожденные страны, и стремившейся войти в более тесные отношения с тремя державами. Сторонам понадобилось согласовывать свои взгляды по ряду положений американского проекта «Декларации об освобожденной Европе». Во время беседы И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом 8 февраля обсуждался вопрос о помощи, которую Советский Союз мог бы оказать Соединенным Штатам в войне с Японией, и о перспективе вступления в эту войну СССР на стороне своих союзников.

Участники конференции проявили интерес к положению в отдельных странах Европы (Болгария, Румыния, Греция, Югославия) и Азии (Иран, Китай, Корея, Индокитай). Британская делегация постаралась привлечь внимание к вопросу о границах между Италией и Югославией, а также между Югославией и Австрией. Советская делегация поставила вопрос о пересмотре конвенции относительно режима черноморских проливов. В беседе И. В. Сталина с У. Черчиллем 10 февраля обсуждалась судьба военнослужащих обоих государств, освобожденных из немецкого плена в ходе наступательных операций союзных войск. По ряду перечисленных вопросов были приняты формальные решения или, во всяком случае, согласованы позиции, закрепленные в итоговых документах. Но некоторые из них в силу отмеченных выше причин — недостатка времени или принципиальных разногласий — остались нерешенными.

Во время конференции иногда возникали напряженные моменты, обычно при обсуждении каких-то спорных вопросов: о германских репарациях, членстве в будущей международной организации безопасности советских республик, формировании общепризнанного союзниками правительства Польши и некоторых других. Но в целом на заседаниях царила творческая, доброжелательная атмосфера. Годы спустя член советской делегации заместитель народного комиссара иностранных дел И. М. Майский писал: «Немалую роль в поддержании духа сотрудничества за столом конференции играл лично Рузвельт, с большим искусством выполнявший функции председателя. Он был спокоен, выдержан, остроумен и с полуслова улавливал мысль оратора. Он умел также вовремя предложить какое-либо решение или формулу, которые примиряли точки зрения спорящих»⁴².

Открывая первое заседание конференции, американский президент сумел задать верную тональность предстоящим нелегким переговорам. Руководители трех держав, сказал американский президент, «уже хорошо понимают друг друга... Все они хотят скорейшего окончания войны и прочного мира. Поэтому участники совещания могут приступить к своим неофициальным беседам... Нужно беседовать откровенно. Опыт показывает, что откровенность в переговорах позволяет быстрее достичь хороших решений»⁴³.

Германский вопрос

Военные аспекты

В соответствии с пожеланиями советской делегации на заседании глав правительств вечером 4 февраля обсуждалось положение на фронтах войны с фашистской Германией. И. В. Сталин не случайно настаивал на том, чтобы этот вопрос рассматривался в первоочередном порядке. Сделать это было важно не только по той очевидной причине, что не следовало пренебрегать любой возможностью, чтобы приблизить победу над врагом. Советский руководитель осознавал свое большое моральное преимущество перед союзниками, которое ему обеспечивали могущество и победы Красной армии. Тем самым он укрепил бы позиции советской делегации на переговорах с союзниками, которые, как он опасался (и неоднократно во время конференции давал это понять), действовали по уговору между собой и в отношении которых он формально находился в меньшинстве.

Открыв заседание, Ф. Рузвельт почти сразу же предоставил слово для доклада начальнику Генерального штаба Красной армии. Генерал А. И. Антонов сообщил об успешных результатах наступления, предпринятого советскими войсками в середине января по широкому фронту от Немана до Карпат. Он подчеркнул, что эту операцию советское командование планировало начать позже, при более благоприятных погодных условиях, однако учитывая «тревожное положение, которое в конце минувшего года сложилось на западном фронте в связи с наступлением немцев в Арденнах, Верховное командование советских войск дало приказ начать наступление... не ожидая улучшения погоды». На направлении главного удара Красная армия обеспечила себе более чем двойное превосходство в пехоте и подавляющее — в артиллерии, танках и авиации, что позволило достигнуть целей наступления: занять вражескую территорию глубиной до 500 км, овладеть Силезским промышленным районом, окружить крупные группировки немецких войск в Восточной Пруссии и других местах, разгромить 45 дивизий противника и т. д. В заключение А. И. Антонов сформулировал ряд пожеланий в адрес союзников, звучавших скорее как упрек: «Ускорить переход союзных войск в наступление на западном фронте», а также «ударами авиации... препятствовать противнику производить переброски своих войск на восток с западного фронта, из Норвегии и из Италии»⁴⁴.

Доклад А. И. Антонова произвел сильное впечатление на членов западных делегаций. Было заметно, что они растерялись. В ответ на приглашение И. В. Сталина задавать вопросы Ф. Рузвельт невпопад спросил: «Предполагает ли советское правительство перешивать германские железные дороги на более широкую колею?» А. И. Антонов ответил, что советское командование просто вынуждено это делать, поскольку трофейные поезда и вагоны «малопригодны для использования», но лишь «на минимальном количестве направлений». Со своей стороны, У. Черчилль, успевший собраться с мыслями, исправил оплошность, которую допустил несколькими часами ранее фельдмаршал Х. Александер. Британский премьер-министр предложил начальникам штабов союзных армий подумать над таким вопросом: «Не следует ли перебросить часть войск союзников (из Италии. — *Прим. ред.*) через Люблянский проход на соединение с Красной армией?»⁴⁵

Затем с докладом выступил начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл. Судя по записи, он не особенно упирал на достижения союзных войск и даже признал, что «в течение некоторого времени операции на западном фронте развивались медленно из-за задержки в снабжении». Однако он заверил присутствовавших, что «последствия немецкого наступления в Арденнах ликвидированы» и в текущее время накапливаются необходимые силы и средства для развертывания крупных наступательных операций во второй декаде февраля. Отдельно Дж. Маршалл остановился на действиях союзной авиации, влекущей «большие разрушения» на территории противника и совершающей «также налеты на пути сообщения». Он огласил якобы только что полученные сведения о том, что «были произведены налеты на железнодорожные составы с войсками, следовавшие на советско-германский фронт»,

при этом отметив, что главной целью бомбардировок с воздуха являются немецкие верфи, выпускающие подводные лодки усовершенствованной конструкции, поскольку «они могут представлять собой серьезную угрозу для судоходства союзников»⁴⁶.

У. Черчилль воспользовался этим замечанием американского генерала, чтобы пожелать успеха советским войскам, окружившим противника в Восточной Пруссии: «Сейчас очень важна скорость продвижения советских войск, поскольку Данциг является одним из мест, в которых сконцентрировано много подводных лодок». Одновременно он, учитывая, что британской и американской армиям предстоит в ближайшее время преодолеть мощную водную преграду в виде Рейна, попросил советских военных поделиться опытом, «в особенности, что касается форсирования рек по льду»⁴⁷.

Когда У. Черчилль закончил, И. В. Сталин задал ряд вопросов Дж. Маршаллу, выясняя различные обстоятельства подготовки союзников к наступлению: какова длина фронта, на котором предполагается осуществить прорыв; есть ли у немцев укрепления; будут ли у союзников резервы для развития успеха; какое количество танковых дивизий сосредоточили союзники на участке предполагаемого прорыва; сколько самолетов у союзников; каково превосходство союзников в пехоте и в артиллерии? Слушая ответы Дж. Маршалла, советский руководитель иногда вставлял свои замечания, суть которых сводилась к тому, что союзникам было бы полезно позаимствовать кое-что из советского опыта успешных наступательных операций.

Затем И. В. Сталин спросил: «Какие пожелания у союзников имеются в отношении советских войск?» У. Черчилль сказал, что «хотел бы воспользоваться случаем, чтобы выразить глубокую благодарность и восхищение той мощью, которая была продемонстрирована Красной армией в ее наступлении». И. В. Сталин принял это заявление как должное: «Зимнее наступление Красной армии, за которое Черчилль выразил благодарность, было выполнением товарищеского долга. Согласно решениям, принятым на Тегеранской конференции, советское правительство не было обязано предпринимать зимнее наступление... [но] считало это своим долгом, долгом союзника, хотя у него не было формальных обязательств на этот счет. Он, Сталин, хочет, чтобы деятели союзных держав учили, что советские деятели не только выполняют свои обязательства, но и готовы выполнить свой моральный долг по мере возможности». После таких слов и Ф. Рузвельт подтвердил, что «полностью согласен с мнением маршала Сталина»⁴⁸.

В итоге состоявшейся дискуссии главы правительств поручили начальникам военных штабов собраться на следующий день, чтобы «обсудить положение не только на восточном и западном фронтах, но и на итальянском фронте, а также вопрос о том, как лучше всего использовать наличные силы». В конце заседания У. Черчилль предложил посвятить следующий день работы конференции «политическим вопросам, а именно — о будущем Германии... если у нее будет какое-либо будущее». На эти слова живо отреагировал И. В. Сталин, возразив, что «Германия будет иметь будущее»⁴⁹.

Дискуссия, состоявшая на Ялтинской конференции на следующий день, выявила глубокие различия в подходах сторон к германскому вопросу. Западные представители явно пытались свести дело к текущим задачам управления поверженной Германией, не желая связывать себе руки решениями относительно ее будущего положения и устройства. Советскую делегацию, напротив, занимали в первую очередь именно вопросы будущего устройства Германии и ее отношений со странами, пострадавшими от германской оккупации во время войны.

Открывая 5 февраля заседание глав правительств, Ф. Рузвельт заявил: «Нам следовало бы выбрать вопросы, относящиеся к Германии. Вопросы же мирового порядка... могут быть отложены. Один из вопросов... — это вопрос о зонах оккупации. Речь идет не о постоянной, а о временной оккупации. Вопрос этот становится все более и более актуальным. Следует также обсудить вопрос о желании Франции иметь свою собственную зону оккупации в Германии. Оккупация связана с вопросом о контрольном аппарате».

Едва Ф. Рузвельт закончил, И. В. Сталин предложил свою программу обсуждения германского вопроса. Акценты в ней были расставлены совершенно иначе. Он считал необхо-

А. И. Антонов

Х. Александер

Дж. Маршалл

димым, во-первых, рассмотреть «предложения о расчленении Германии», а также напомнил об обмене мнениями, который имел место по этому поводу между главами трех держав в Тегеране и между ним и У. Черчиллем в Москве в октябре 1944 г. Поскольку ни в Тегеране, ни в Москве никаких решений не было принято, это следовало сделать теперь. Во-вторых, необходимо было, чтобы союзники договорились между собой и о статусе послевоенной Германии. И. В. Сталин так сформулировал стоящую перед ними задачу: «Допустим ли мы образование в Германии какого-либо центрального правительства или ограничимся тем, что в Германии будет создана администрация, или если будет решено все же расчленить Германию, то там будет создано несколько правительств по числу кусков, на которые будет разбита Германия?» В-третьих, советского руководителя беспокоил вопрос: «Оставят союзники или нет правительство Гитлера, если оно безоговорочно капитулирует?» По его мнению, методы, которыми действовали западные державы в связи с капитуляцией Италии в 1943 г., вряд ли применимы по отношению к Германии. Наконец, в-четвертых, требовалось решить «вопрос о репарациях, о возмещении Германией убытков, вопрос о размерах этого возмещения». В заключение своего выступления И. В. Сталин пояснил, что не выдвигает альтернативной программы дискуссии, а просто предлагает обсудить указанные вопросы лишь «дополнительно к вопросам, поставленным президентом»⁵⁰.

Предложенные И. В. Сталиным темы дискуссии фактически и обсуждались на Ялтинской конференции в первоочередном порядке.

Политические аспекты

Ф. Рузвельт сразу же оценил другой масштаб подхода советского руководителя к германской проблеме: «Вопросы, поставленные маршалом Сталиным, касаются перманентного состояния (Германии после войны. — *Прим. ред.*)». Но он не возражал против расширения поля дискуссии, скорее, наоборот, даже поддержал эту идею. По мнению американского президента, вопросы, поставленные И. В. Сталиным, прямо «вытекают из вопроса о зонах оккупации Германии... Может быть, эти зоны будут первым шагом к расчленению Германии». И. В. Сталин сразу подхватил его слова. Если союзники, заметил он, «предполагают расчленить Германию, то так и надо сказать»⁵¹.

Однако с этим предложением не согласился У. Черчилль. Не возражая в принципе против раздела единой Германии на ряд небольших государств, он высказался против любых скоропалительных мер. Британский премьер-министр утверждал, что «самый метод проведения границ отдельных частей Германии слишком сложен для того, чтобы этот вопрос можно было решить здесь в течение пяти-шести дней». Такому решению, по его словам, должны предшествовать «весьма тщательное изучение исторических, этнографических и экономических фактов и длительное обсуждение этого вопроса в течение недель в подкомитете или в комитете, которые будут созданы для детальной разработки предложений и представления рекомендаций в отношении образа действий».

Казалось бы, У. Черчилль достаточно ясно изложил свои взгляды по вопросу о разделении Германии. Но было очевидно, что эта проблема болезненно задевала британские интересы и его собственные убеждения. Если бы его самого, продолжал британский премьер-министр, спросили, как разделить Германию, он не знал бы, что ответить, «только смог бы лишь намекнуть на то, как ему казалось бы целесообразным сделать это». Да и это предположение он не смог бы высказать без оговорок и «должен был бы сохранить за собой право изменить свое мнение, когда он получил бы рекомендации комиссий, изучающих этот вопрос». Но в глубине души У. Черчилль убежден, что первопричина всех зол, постигших народы Европы и саму Германию, — это сильная милитаристская Пруссия. Отсюда он делал вывод: «Если Пруссия будет отделена от Германии, то ее способность начать новую войну будет сильно ограничена». Поэтому его личное мнение, что «создание еще одного большого Германского государства на юге, столица которого могла бы находиться в Вене, обеспечило бы линию водораздела между Пруссией и остальной Германией. Население Германии было бы поровну поделено между этими двумя государствами».

Ф. Рузвельт и У. Черчилль обсуждают планы союзников на Ялтинской конференции

Лидеры большой тройки за столом переговоров на Ялтинской конференции

Считая, что вопрос о расчленении Германии нуждается в дополнительной проработке, У. Черчилль вместе с тем определенно высказался в пользу ее территориального ослабления. В частности, он согласился с тем, что она «должна потерять часть территории, которая сейчас уже в значительной степени завоевана русскими войсками и которая должна быть отдана полякам». Не исключено, что она будет вынуждена ужаться не только на востоке, но и на западе: «Имеются также вопросы, связанные с Рейнской долиной, границей между Францией и Германией, и вопрос о владении промышленными районами Рура и Саара, которые обладают военным потенциалом (в смысле возможного производства там вооружения)». Но по этим вопросам У. Черчилль пока не имел готовых решений: «Следует ли эти районы передать Франции или следует их оставить в ведении немецкой администрации, или установить над ними контроль мировой организации, или следует создать кондоминиум великих держав на длительный, но ограниченный период времени — все это требует рассмотрения».

Резюмируя свои доводы, У. Черчилль подчеркнул, что одно дело — его личное мнение, а другое — его позиция как премьер-министра: он «не может от имени своего правительства высказать определенные мысли» по вопросу, по которому отсутствует консолидированное мнение кабинета. Тем не менее он уверен, что «британское правительство должно согласовать свои планы с планами союзников», поэтому он выходит с предложением о создании союзниками некоей организационной структуры, или, по его формулировке, «аппарата для рассмотрения всех этих вопросов. Такой аппарат должен будет подготовить доклады правительствам, прежде чем правительства примут окончательные решения».

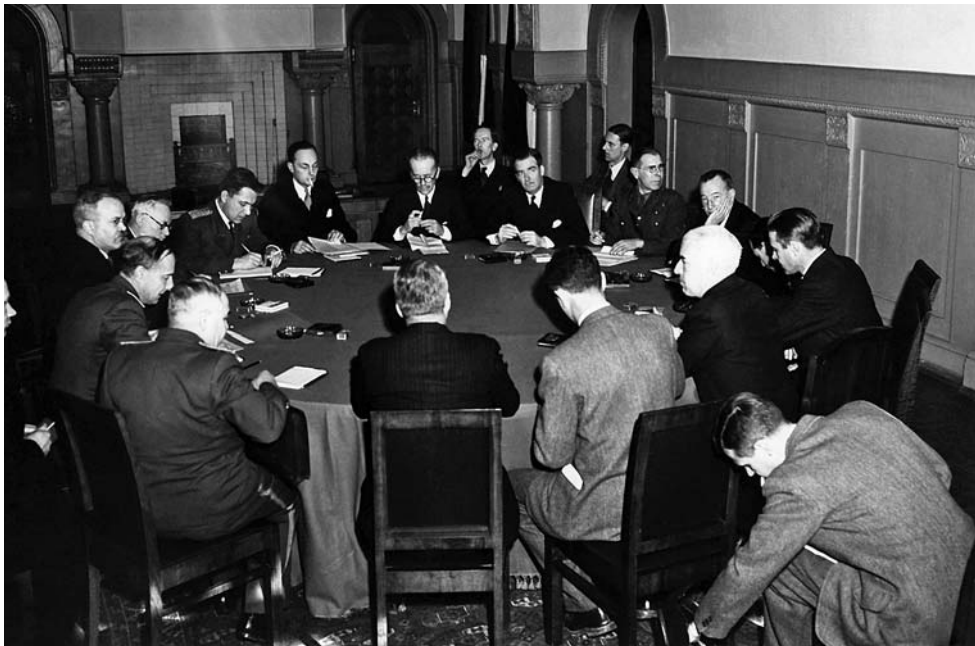
Таким образом, британский премьер-министр четко обозначил свою позицию: вопрос о расчленении Германии следует вынести за скобки дискуссий в Ялте. В остальном же, по его мнению, все обстоит более или менее благополучно: «Союзники неплохо подготовлены к принятию немедленной капитуляции Германии. Все детали этой капитуляции разработаны и известны трем правительствам». Фактически британский премьер-министр предложил вернуться к порядку рассмотрения германского вопроса, предложенному в начале заседания американским президентом. Главам правительств только и остается, утверждал У. Черчилль, что «официально достичь соглашения о зонах оккупации и о самом аппарате контроля в Германии». А далее все должно пойти как по маслу: «Если предположить, что Германия капитулирует через месяц, или через 6 недель, или через 6 месяцев, то союзникам останется лишь занять Германию по зонам»⁵².

Но И. В. Сталина доводы британского премьер-министра не убедили. Допустим, заметил он, что «какая-нибудь группа в Германии» заявит о низложении А. Гитлера и объявит себя новым правительством, подобно тому, как это произошло в Италии с Б. Муссолини, неужели союзники согласятся «иметь дело с таким правительством»?

У. Черчилль в ответ на реплику советского руководителя вновь пустился в пространные рассуждения. Прежде всего он пояснил, что не хотел бы предекать возможный ход событий в Германии. Но если допустить, что «с предложением о капитуляции выступают Гитлер или Гиммлер», то союзники его не примут: «Ясно, что союзники ответят им, что они не будут вести с ними переговоры как с военными преступниками». Всё в таком случае останется по-прежнему, война будет продолжаться. Но возможно, что события примут другой оборот: «Гитлер постарается скрыться или будет убит в результате переворота», а в Германии «будет создано другое правительство, которое предложит капитуляцию». Возникнет новая ситуация, учитывая которую, руководители трех держав должны будут немедленно «проконсультироваться друг с другом», чтобы решить, «можем ли мы говорить с этими людьми». И тогда возможны варианты: «Если мы решим, что можем, то им нужно будет предъявить условия капитуляции. Если же мы сочтем, что эта группа людей недостойна того, чтобы с ней вести переговоры, то мы будем продолжать войну и оккупируем всю страну». По мысли британского премьер-министра, и в том, и в другом случае союзники получат полное и ничем не ограниченное право распоряжаться будущим Германии. Даже если там появятся «новые люди», они будут вынуждены подписать «безоговорочную капитуляцию на условиях, которые им будут продиктованы». Союзники не станут торговаться с ними об их будущем: «Безоговорочная капитуляция дает союзникам возможность предъявить немцам дополнительное требование о расчленении Германии»⁵³.

Советские, американские и британские дипломаты во время Ялтинской конференции

Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов, государственный секретарь США Э. Стеттиниус и министр иностранных дел Великобритании А. Иден на переговорах в Ялте

И. В. Сталин и В. М. Молотов на Ялтинской конференции

И. В. Сталин возразил У. Черчиллю: «Требование о расчленении — это не дополнительное, а очень существенное требование». Этими словами советский руководитель четко обозначил свои разногласия с британским премьер-министром.

Дискуссия между главами советской и британской делегаций приняла острый характер, и Ф. Рузвельт счел нужным вмешаться. Он с сожалением констатировал, что, «кажется, маршал Сталин не получил ответа на свой вопрос, будем ли мы расчленять Германию». Вместе с тем американский президент дал понять, что не отвергает и доводы У. Черчилля. Фактически он призвал стороны к компромиссу, выразив мнение, что вопрос надо решить в принципе, а детали можно отложить на будущее.

И. В. Сталин не замедлил согласиться с американским президентом. Но поскольку У. Черчилль хранил молчание, Ф. Рузвельт продолжал, обращаясь главным образом к своему британскому коллеге: «Премьер-министр говорит о невозможности в настоящий момент определить границы отдельных частей Германии, о том, что весь этот вопрос требует изучения. Правильно. Но самое важное все-таки решить на конференции основное, а именно: согласны ли мы расчленять Германию или нет?» Ф. Рузвельт не усматривал ничего предосудительного в том, чтобы наряду с обычными условиями капитуляции сообщить немцам, что «Германия будет расчленена».

Президент напомнил о том, что на конференции большой тройки в Тегеране он «высказывался за децентрализацию управления в Германии». Он объяснил свою прежнюю позицию тем, что еще в молодости был поражен высокой степенью самоуправления отдельных провинций единого Германского государства: «В Баварии или в Гессене были баварское или гессенское правительства. Это были настоящие правительства. Слова «рейх» еще не существовало». Между тем союзники должны считаться с переменами, которые произошли в Германии за годы нацистской диктатуры: «В течение последних 20 лет децентрализация управления была постепенно ликвидирована. Все администрирование сосредоточилось в Берлине». Поэтому Ф. Рузвельт пересмотрел свои прежние взгляды: «Говорить в наши дни о планах децентрализации Германии — значит, увлекаться утопиями». В нынешних условиях он не видел «иного выхода, кроме расчленения», но пока и у него не было ответа на вопрос о том, каким образом нужно расчленить Германию, на сколько частей — «на 6—7 или меньше». И хотя этот вопрос еще требовалось изучить, по мнению Ф. Рузвельта, «уже здесь, в Крыму, следует договориться о том, скажем ли мы немцам, что Германия будет расчленена». Конкретно он предложил, «чтобы в течение 24 часов три министра иностранных дел подготовили план процедуры изучения расчленения Германии, и тогда можно было бы составить подробный план расчленения Германии в течение тридцати дней».

Это предложение не встретило возражений со стороны У. Черчилля. Хотя он и остался при своем мнении, продолжая утверждать, что «нет необходимости информировать немцев о той будущей политике, которая будет проводиться по отношению к их стране», тем не менее выразил готовность «принять принцип расчленения Германии и учредить комиссию для изучения процедуры расчленения».

И. В. Сталин заявил, что «вполне понимает соображения Черчилля, что сейчас трудно составить план расчленения Германии». Но он и не требует, чтобы немедленно был составлен конкретный план, однако настаивает на том, что указанный «вопрос должен быть решен в принципе и зафиксирован в условиях безоговорочной капитуляции»⁵⁴.

В итоге стороны приняли предложение Ф. Рузвельта о том, чтобы министры иностранных дел рассмотрели на своем заседании «возможность включить слова «расчленение Германии» или другую формулировку» в статью 12 условий безоговорочной капитуляции, разработанных Европейской консультативной комиссией⁵⁵.

Однако и министры иностранных дел, собравшиеся на свое первое заседание в полдень 6 февраля, не смогли преодолеть разногласия, возникшие накануне между советской и британской делегациями. Государственный секретарь США Э. Стеттиниус, взявший слово первым, попытался выступить в роли посредника между ними. Впрочем, он не скрывал, что поддерживает доводы британской делегации, прозвучавшие накануне. Он усомнился в

реалистичности советской позиции по спорному вопросу, заявив: «Прежде чем три правительства смогут принять согласованное решение о расчленении Германии, необходимо будет провести большую исследовательскую работу».

Сначала госсекретарь предложил наркому согласиться с тем, что «на этом совещании министры договорятся о принципах»: «Слово «расчленение» можно было бы вставить в пункт (а) статьи 12 условий безоговорочной капитуляции... затем этот вопрос должен быть передан на рассмотрение в Европейскую консультативную комиссию». В. М. Молотов явно воспринял это предложение как попытку «заболтать» важный вопрос. Он решительно возражал госсекретарю: «Нужно зафиксировать в условиях капитуляции определенное мнение союзников о необходимости расчленения Германии». Тогда Э. Стеттиниус спросил советского наркома, нельзя ли включить в условия безоговорочной капитуляции более эластичную формулировку — «право расчленить». Но и в этом случае он натолкнулся на энергичное сопротивление советского коллеги, не допускавшего никакой двусмысленности: «За союзниками признается не только право расчленить Германию. Союзники определенно высказываются за расчленение Германии». Наконец, последняя уловка, к которой прибегнул Э. Стеттиниус, заключалась в том, чтобы апеллировать к авторитету руководителей трех держав. Он спросил В. М. Молотова: «Недостаточно ли того, что вчера на заседании глав правительств принцип расчленения Германии был принят?» Но и этот аргумент не смог поколебать наркома. Он невозмутимо отвечал: мол, хорошо, что они приняли этот принцип, «его следует теперь зафиксировать в документе», то есть в итоговом документе конференции. Британский министр иностранных дел А. Иден попросту взял, что называется, тайм-аут, заявив, что «он должен будет посоветоваться с Черчиллем». На этом заседание министров и закончилось, не приняв никакого решения⁵⁶.

Можно догадаться, с каким волнением участники конференции, собравшиеся в четыре часа дня 6 февраля в Ливадийском дворце на заседание глав правительств, ожидали доклада министров о выполнении поручений, полученных ими накануне. Отсутствие компромисса по вопросу, которому советская делегация придавала большое значение, не предвещало ничего хорошего. Ф. Рузвельт, открывший заседание, был даже готов предоставить трем министрам дополнительное время для завершения работы, однако этого не понадобилось. В. М. Молотов сообщил, что «советская делегация согласна с предложением Э. Стеттиниуса в отношении расчленения Германии» и что свое альтернативное предложение нарком снимает. Взятый затем слово госсекретарь сказал: «Таким образом, по этому вопросу достигнуто единодушное решение. Статья 12 будет дополнена словами «и расчленение Германии». Это решение приветствовал британский премьер-министр. У. Черчилль заявил, что «очень благодарен Молотову», а сам он пока «не имел возможности доложить данный вопрос кабинету», но «уверен, что кабинет согласится с принятым решением». Также он выразил удовлетворение, что «соглашение достигнуто в нынешней форме»⁵⁷.

Впрочем, о деталях достигнутого компромисса министры иностранных дел договорились только на следующий день, 7 февраля, когда в полдень собрались на заседание в Юсуповском дворце. В. М. Молотов напомнил, что накануне «на совещании глав трех правительств было достигнуто согласие о включении слова «расчленение» в статью 12 документа о безоговорочной капитуляции Германии без каких-либо других дополнений». Он предложил подумать, как поступить далее: «Рассмотреть формулировку статьи 12 здесь, на совещании, или поручить это дело комиссии?» Министры приняли решение создать с этой целью комиссию в составе заместителя народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинского, постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании А. Кадогана и директора европейского отдела Государственного департамента США Ф. Мэттьюса.

Кроме того, В. М. Молотов предложил создать комиссию и «для изучения процедуры расчленения Германии». Эта комиссия, по мнению наркома, должна была постоянно находиться в Лондоне. Поэтому он рекомендовал назначить ее председателем А. Идена, а членами — советского и американского послов в Великобритании Ф. Т. Гусева и Дж. Вай-

нанта. Э. Стеттиниус усомнился, не подорвет ли такое решение авторитет Европейской консультативной комиссии, но В. М. Молотов успокоил его: «Иден, Гусев и Вайнант — это такая комиссия, что авторитет ЕКК будет сохранен». Во всяком случае, продолжал нарком, «поскольку речь идет лишь об изучении процедуры расчленения, то было бы лучше поручить этот вопрос специальной комиссии. Возможно, что на второй стадии этот вопрос мог бы быть передан ЕКК». А. Иден, со своей стороны, не только согласился работать в указанной комиссии, но даже поделился некоторыми соображениями относительно ее задач. Она, по словам британского министра, «пойдет дальше, чем изучение процедуры... Если будет признано необходимым расчленение Германии на отдельные государства, то неизбежно надо будет решить вопросы о времени расчленения, о границах новых государств, о взаимоотношениях этих государств между собой и с другими государствами... надо будет изучить положительные и отрицательные стороны расчленения». В. М. Молотов спросил британского министра: «Является ли изложенное Иденом задачами комиссии?», на что тот ответил утвердительно. Э. Стеттиниус и В. М. Молотов согласились с его предложениями.

Когда в тот же день на заседании глав правительств В. М. Молотова попросили доложить о результатах дискуссии министров, он сообщил: «На совещании стоял вопрос о расчленении Германии. По нему принято два решения: поручить А. Я. Вышинскому, г-ну Кадогану и г-ну Мэттьюсу отредактировать окончательно статью 12 документа о безоговорочной капитуляции Германии, имея в виду включение в текст статьи 12 слова «расчленение»; поручить изучить вопрос о процедуре расчленения Германии комиссии в составе г-на Идена, г-на Вайнанта и Ф. Т. Гусева»⁵⁸.

О репарациях

5 февраля на заседании глав правительств И. В. Сталин предложил свою программу дискуссии по германскому вопросу. Обменявшись мнениями о расчленении и капитуляции Германии, делегации намеревались идти дальше по списку, предложенному главой советской делегации. В этой связи У. Черчилль поднял «вопрос о правительстве Германии». Но И. В. Сталин, прервав его, заявил, что «предпочитает обсудить вопрос о репарациях». Тем самым он обозначил еще один из приоритетов советской внешней политики на ближайшую перспективу.

Делегации не возражали против предложения И. В. Сталина. При этом Ф. Рузвельт выразил готовность обсудить общие принципы политики союзников по этой проблеме: «Вопрос о репарациях имеет несколько сторон. Во-первых, малые страны, такие как Дания, Норвегия, Голландия, также пожелают получить репарации с Германии. Во-вторых, возникает вопрос об использовании германской рабочей силы». Поинтересовавшись, «какое количество германской рабочей силы хотел бы получить Советский Союз», американский президент веско заявил: «Что касается Соединенных Штатов Америки, то им не нужны ни германские машины, ни германская рабочая сила».

И. В. Сталин заметил, что хотя «к обсуждению... вопроса об использовании германской рабочей силы советское правительство пока еще не готово... у Советского правительства имеется план материальных репараций». Услышав заявление советского руководителя, У. Черчилль настоятельно заявил: «Нельзя ли кое-что узнать о советских репарационных планах?» И тогда И. В. Сталин предоставил слово заместителю народного комиссара иностранных дел И. М. Майскому, который изложил основные положения советского плана материальных репараций:

1. Репарации должны взиматься с Германии не деньгами, а натурой;
2. Эти натуральные платежи осуществлять в двух формах: «а) единовременные изъятия из национального богатства Германии, находящегося как на территории самой Германии, так и вне ее, по окончании войны (фабрики, заводы, станки, суда, подвижной состав железных дорог, вклады в иностранные предприятия и т. п.) и б) ежегодные товарные поставки после окончания войны»;

3. Выплата репараций должна привести к экономическому разоружению Германии, что «означает изъятие 80% оборудования тяжелой промышленности Германии (металлургия, машиностроение, металлообработка, электротехника, химия и т. д.)»; что касается авиастроительных и специализированных военных предприятий, а также заводов по производству синтетического топлива, то они должны быть изъяты полностью, на 100%;

4. Единовременные изъятия из национального богатства должны быть осуществлены в течение двух лет по окончании войны, а весь срок репараций устанавливается в 10 лет;

5. Над экономикой Германии установить строгий контроль со стороны СССР, США и Великобритании, причем сохранять его и по истечении срока выплаты репараций;

6. Учитывая необъятные масштабы ущерба, причиненного другим странам, разумно ограничиться тем, что потребовать от Германии возмещения только прямых материальных потерь (разрушение или повреждение домов, заводов, железных дорог, научных учреждений, конфискация скота, хлеба, частного имущества граждан и т. д.), но поскольку даже эти потери превышают сумму возможных репараций, «придется, очевидно, установить известную очередность в получении возмещения теми странами, которые имеют на него право. В основу этой очередности должны быть положены два показателя: а) размеры вклада данной страны в дело победы над врагом и б) размеры прямых материальных потерь данной страны. Страны, имеющие высшие показатели по обоим рубрикам, должны получить репарации в первую очередь, все остальные страны — во вторую очередь»;

7. Было бы справедливо получить в порядке изъятий и ежегодных поставок не менее 10 млрд долларов;

8. Для разработки репарационного плана союзников на базе указанных принципов должна быть создана особая репарационная комиссия из представителей СССР, США и Великобритании с местопребыванием в Москве.

Главы британской и американской делегаций с противоречивыми чувствами выслушали сообщение И. М. Майского. С одной стороны, они, безусловно, признавали право любой страны на возмещение ущерба, который им причинила агрессия Германии, но с другой — им показались нереалистичными и даже вредными принципы, положенные в основу советского репарационного плана.

Первым высказал свое мнение У. Черчилль, призвав вспомнить уроки Первой мировой войны: «Репарации доставили тогда большое разочарование. От Германии удалось получить с большим трудом всего лишь 1 миллиард фунтов». Но, по его словам, «даже и этой суммы нельзя было бы получить», если бы Соединенные Штаты и Великобритания не инвестировали в германскую экономику значительные капиталы. Британский премьер-министр воздал должное Советскому Союзу, который принес на алтарь победы больше, чем любая другая страна. С пониманием он отнесся и к намерению советских руководителей получить из Германии столь необходимое стране промышленное оборудование. Но он удивлялся: разве непонятно, что «из разбитой и разрушенной Германии невозможно будет получить такие количества ценностей, которые компенсировали бы убытки даже только одной России». Снова и снова обращался он к известной исторической аналогии: «Англичане в конце прошлой войны тоже мечтали об астрономических цифрах, а что получилось?» Кроме того, от германской агрессии понесли ущерб и другие страны, в том числе Великобритания. Помимо прямых материальных потерь — «большая часть ее домов разрушена или повреждена», пострадали ее торговля и финансы. Причем У. Черчилль дал понять, подвергая тем самым сомнению обоснованность одного из базовых принципов советского репарационного плана, что общий ущерб от войны для экономики его страны намного превышает размер прямых материальных потерь. Великобритания была вынуждена распродать свои заграничные активы, закупать за границей половину необходимого продовольствия, увязла в долгах. «Никакая другая страна, — утверждал У. Черчилль, — из числа победителей не окажется в конце войны в столь тяжелом экономическом и финансовом положении, как Великобритания». И тем не менее он отверг бы предложение «поддержать английскую экономику путем взимания репараций с Германии», поскольку «сомневается в успехе»⁵⁹.

И. В. Сталин на переговорах с президентом США Ф. Рузвельтом во время Ялтинской конференции

И. В. Сталин выходит из Ливадийского дворца в Ялте

Британский премьер-министр предлагал подумать и о том, что будет с Германией, если снова повесить на нее бремя репараций: «Кто будет ее кормить? И кто будет за это платить? Не выйдет ли, в конце концов, так, что союзникам придется хотя бы частично покрывать репарации из своего кармана?» И. В. Сталин заметил, что «все эти вопросы, конечно, рано или поздно встанут». В итоге У. Черчилль поддержал идею создания «репарационной комиссии, которая вела бы свою работу в секретном порядке»⁶⁰.

Затем слово взял Ф. Рузвельт. Чтобы объяснить свое отношение к основным положениям советского репарационного плана, он также воспользовался историческими аналогиями, заявив, что «тоже хорошо помнит прошлую войну и помнит, что Соединенные Штаты потеряли огромное количество денег». Президент упомянул о 10 млрд долларов, которые ссудили Веймарской Республике американские банкиры, а также о германской собственности, конфискованной во время Первой мировой войны, которая потом была возвращена немцам. Он заверил своих партнеров, что теперь по отношению к Германии США не будут повторять прежних ошибок: «Несмотря на великодушные Соединенных Штатов, которые оказывают помощь другим странам», он не собирается «гарантировать будущее Германии». Прежде всего США, по словам президента, «не хотят, чтобы в Германии жизненный уровень населения был выше, чем в СССР», поэтому американское правительство стремится «помочь Советскому Союзу получить из Германии все необходимое».

Но вместе с тем Ф. Рузвельт поддержал и мнение У. Черчилля, что «нужно немного подумать о будущем Германии». В частности, он не допускал сомнения в том, что «в Германии нужно будет оставить столько промышленности, сколько нужно, чтобы немцы не умирали с голоду». Ф. Рузвельт признал, что «наступило время для создания репарационной комиссии по изучению нужд СССР и других европейских стран». Не возражал он и против того, чтобы эта комиссия заседала в Москве. Предложение назначить советскую столицу местопребыванием комиссии поддержал и британский премьер-министр⁶¹.

Казалось бы, вопрос был исчерпан, но И. М. Майский посчитал своим долгом ответить на критику советского репарационного плана, прозвучавшую из уст премьер-министра и президента. Он заявил, что неправомерно ссылаться на неудачу с взысканием репараций после Первой мировой войны, поскольку причина этой неудачи «крылась не в том, что общая сумма репараций с Германии была слишком велика», а в том, что «союзники требовали с Германии репарации не в натуре, а главным образом в деньгах». Из-за того что Германия по тем или иным причинам не смогла обеспечить себе «необходимого количества иностранной валюты», провалился и весь репарационный план. По убеждению советского дипломата, этого бы не произошло, «если бы союзники были готовы получать репарации в натуре». Впрочем, союзники и сами «поощряли немцев к невыполнению своих репарационных обязательств», инвестируя крупные капиталы в экономику Германии. Чтобы на этот раз избежать неприятностей, советская делегация как раз и предложила «взимать репарации в натуре». Вместе с тем И. М. Майский выразил надежду, что и Запад не повторит прежних ошибок, «США и Англия на этот раз не станут финансировать Германию после окончания войны».

Размер репараций, продолжал И. М. Майский, на которые претендует Советский Союз, отнюдь нельзя признать для Германии непосильным, ведь 10 млрд долларов — это «всего лишь 10% государственного бюджета Соединенных Штатов» или 2,5% годового бюджета Великобритании мирного времени. «Можно ли в таком случае говорить о чрезвычайности выдвигаемых Советским Союзом требований? Ни в коем случае. Скорее, можно говорить об их излишней скромности». Также И. М. Майский отметил, что подозрения, будто бы СССР задался целью «превратить Германию в голодную, раздетую и разутую страну», совершенно несправедливы. Несмотря на расходы по выплате репараций, Германия «имеет все шансы построить свою послевоенную экономику на основе расширения сельского хозяйства и легкой индустрии. Для этого имеются все условия. Никаких специальных ограничений в отношении двух только что названных отраслей германской экономики советским репарационным планом не предусмотрено». К тому же нужно учитывать, что «послевоенная Германия будет совершенно свободна от расходов на вооружения, ибо будет полностью разоружена»,

и одно «это даст большую экономию». Поэтому можно не сомневаться, заключил советский дипломат, «немецкому народу будет обеспечено приличное существование»⁶².

Главы делегаций внимательно выслушали доводы советского дипломата. Когда он упомянул о том, что после войны Германия будет свободна от бремени военных расходов, У. Черчилль воскликнул: «Да, это очень важное обстоятельство!» Но когда И. В. Сталин предложил создать репарационную комиссию здесь же, на конференции, премьер-министр заявил, что, по его убеждению, в этом сейчас нет необходимости: «На конференции нужно лишь принять решение, что должна быть создана репарационная комиссия, которая в дальнейшем рассмотрит претензии и те активы, которые будут в наличии у Германии, а также установит приоритеты при их распределении». У. Черчилль согласился с тем, что следует определить очередность в получении репараций. Но предложенные советской стороной критерии показались ему несправедливыми: «Было бы желательно при фиксации очередности учитывать не только вклад нации в дело победы, но также и пережитые ею страдания». Впрочем, добавил он, «по любому из этих признаков СССР занимает первое место». У. Черчилль воздержался от детальной оценки репарационного плана, представленного советской делегацией, сославшись на то, что «для его рассмотрения требуется время».

Такой результат не устраивал И. В. Сталина. Глава советской делегации подчеркнул, что «даже самая лучшая комиссия не сможет дать многого, если она не будет иметь надлежащих руководящих линий для своей работы. Необходимо теперь же, на этой конференции, наметить такие руководящие линии». И. В. Сталин попытался отстоять и предложенные советской стороной критерии, в соответствии с которыми определялась бы очередность получения репараций отдельными странами. Он заявил, что «основным принципом при распределении репараций должен быть следующий: репарации в первую очередь получают те государства, которые вынесли на своих плечах основную тяжесть войны и организовали победу над врагом. Эти государства — СССР, США и Великобритания». Для большей убедительности И. В. Сталин повторил: «Возмещение должны получить не только русские, но также американцы и англичане и притом в максимально возможном размере». В ответ на прямой вопрос И. В. Сталина, согласны ли они с его мнением, Ф. Рузвельт ответил, что согласен, У. Черчилль — что не возражает.

Далее советский руководитель обратил внимание американской и британской делегаций на то, что «при подсчете активов, которыми Германия будет располагать для уплаты репараций, надо исходить не из нынешнего положения, а принимать во внимание те ресурсы, которыми Германия будет располагать по окончании войны, когда все население вернется в страну, а фабрики и заводы начнут работать». Тогда, продолжал он, Германия будет обладать значительно большими материальными возможностями, чем теперь, поэтому первоочередные получатели германских репараций «смогут рассчитывать на довольно значительное возмещение своего ущерба». И. В. Сталин закончил выступление пожеланием, умеренность которого оценили все присутствующие: «Хорошо было бы, чтобы обо всем этом поговорили между собой три министра иностранных дел и затем доложили конференции». У. Черчилль не стал спорить и поддержал мнение о том, что «конференция должна наметить главные пункты директив для комиссии».

На следующий день, 6 февраля, министры не успели выполнить соответствующее поручение глав правительств. Как отмечалось выше, все время у них ушло на дискуссию по другому важному вопросу — о расчленении Германии. По предложению В. М. Молотова они перенесли вопрос о репарационной комиссии на следующее заседание⁶³.

Лишь 7 февраля министры иностранных дел приступили к обсуждению вопроса о репарациях. Советские предложения огласил эксперт народного комиссариата иностранных дел С. А. Голунский. Если сравнить их с основными положениями советского репарационного плана, которые изложил И. М. Майский на заседании глав правительств 5 февраля, то имеются по крайней мере два важных отличия. Изменились критерии определения очередности получения репараций отдельными странами. И. М. Майский говорил о двух критериях: вкладе в победу и размере прямых материальных потерь. Из нового варианта предложений

второй критерий выпал, и остался единственный — вклад в победу. «Репарации, — говорилось в документе, который зачитал С. А. Голунский, — в первую очередь получают те страны, которые вынесли на своих плечах главную тяжесть войны и организовали победу над врагом. Все остальные страны получают репарации во вторую очередь». Кроме того, в новом варианте впервые определялся общий размер репараций, которые должна была выплатить Германия, причем с их разверсткой по основным странам: соответственно 20 млрд долларов, из которых СССР получал 10 млрд, Великобритания и США вместе — 8 млрд, все остальные страны — 2 млрд⁶⁴.

Затем слово взял В. М. Молотов, который постарался обосновать содержащиеся в советских предложениях количественные показатели. Прежде всего он заявил, что поскольку Советский Союз претендует на репарации в размере 10 млрд долларов, «было бы несправедливым, если бы мы не указали суммы репараций, причитающихся США и Соединенному Королевству». И далее он почти слово в слово повторил доводы, к которым ранее уже прибегнул И. В. Сталин. «Возможно, — заметил нарком, — что США и Соединенное Королевство не интересуются станками и другим промышленным оборудованием, но они интересуются такими видами репараций, как сырье, инвестиции и т. п.». В. М. Молотов также пояснил, что, по мнению советской делегации, репарации должны равными долями состоять из «единовременных изъятий из национального богатства Германии» и ежегодных товарных поставок. В стоимостном выражении размер каждой доли равняется 10 млрд, итого — 20 млрд долларов. Нарком подчеркнул, что все количественные показатели советского плана глубоко обоснованы. Согласно приведенным им расчетам, «намечаемые изъятия составят около 13–14% всего национального богатства Германии», тогда как ежегодные товарные поставки — «всего лишь 5–6% послевоенного национального дохода Германии». Таким образом, сказал в заключение В. М. Молотов, «советская сторона твердо стояла на почве реальных возможностей Германии, не увлекаясь никакими фантастическими планами»⁶⁵.

Выслушав В. М. Молотова, британский и американский министры воздержались от общей оценки советских предложений, сославшись на то, что сначала должны их тщательно изучить. Впрочем, А. Иден высказал пожелание, чтобы не только «военные усилия служили базой при определении репараций», но и понесенные народами жертвы: «Надо упомянуть оба указанных принципа, так как в противном случае сложится впечатление, что мы забываем себе всё, игнорируя малые нации». Но ни он, ни Э. Стеттиниус не возражали против предложения наркома «считать согласованным вопрос о том, чтобы доложить совещанию глав трех правительств о нашем решении продолжить изучение репарационного вопроса здесь, в Крыму, а также о том, чтобы создать репарационную комиссию, которая немедленно приступит к работе в Москве»⁶⁶.

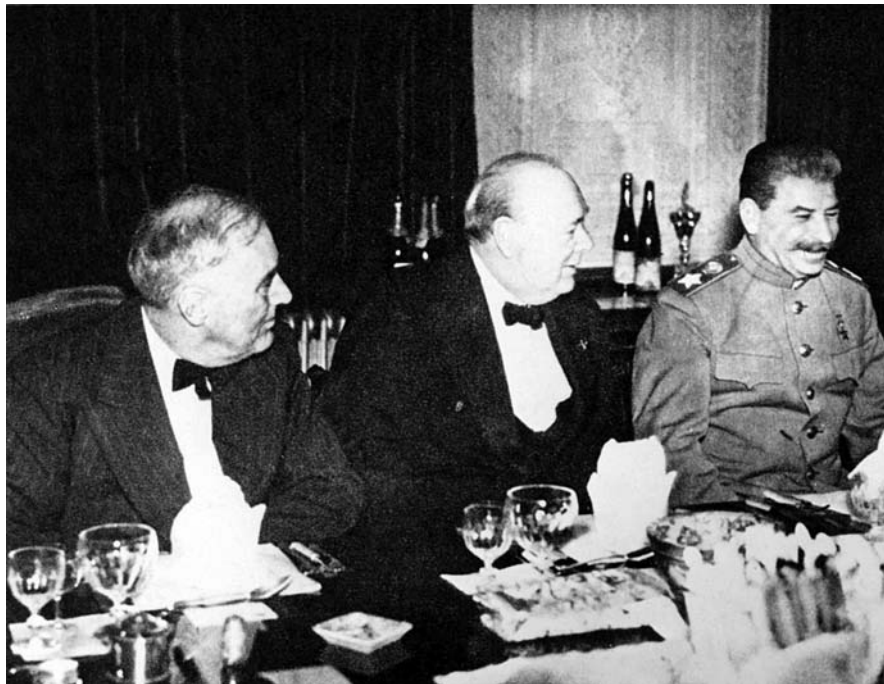
После обмена мнениями слово снова было предоставлено эксперту НКВД, который зачитал советские предложения о создании Межсоюзной репарационной комиссии⁶⁷:

1. Комиссия состоит из трех представителей, по одному от СССР, США и Великобритании, каждый из представителей может привлекать к работам комиссии любое количество экспертов;
2. Задачей комиссии является разработка подробного плана взимания репараций с Германии на основе принципов, принятых Крымской конференцией трех держав;
3. Правительства СССР, США и Великобритании определяют, когда к работам комиссии будут привлечены представители других союзных стран, а также формы их участия в работе комиссии;
4. Работа комиссии ведется в строго секретном порядке;
5. Местом пребывания комиссии является город Москва.

Выслушав эксперта, А. Иден заявил, что «это прекрасные предложения». Э. Стеттиниус также одобрил их, но с оговоркой, что «принципы взимания репараций подлежат еще одобрению конференцией глав трех правительств». Вместе с тем он посетовал, что новая комиссия будет дублировать деятельность других организационных структур, создаваемых союзниками. По его словам, «вопрос о германской промышленности будет обсуждаться в трех

У. Черчилль и А. Иден входят в Ливадийский дворец в Ялте

И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт на банкете во время Ялтинской конференции

местах: в ЕКК, в ремонтной комиссии в Москве и в контрольном совете для Германии». Он высказался за создание некоего координирующего центра. А. Иден, со своей стороны, заметил, что вопрос о германской промышленности тесно связан с более широким вопросом о будущей безопасности, о чем надо упомянуть в решении.

В ответ В. М. Молотов резонно возразил, что «ремонтная комиссия должна заняться вопросом германской промышленности, поскольку это связано с ремонтами», поэтому вопрос о будущей безопасности для нее «является не главным, а второстепенным». К тому же, подчеркнул нарком, «будущая безопасность является не только делом... комиссий, но и делом правительств». С этим замечанием В. М. Молотова все согласились и поручили ему подготовить проект решения министров для доклада главам правительств⁶⁸.

В тот же день, 7 февраля, В. М. Молотов доложил главам правительств, что на совещании министров относительно ремонтов принято следующее решение:

1. Считать согласованным вопрос о том, чтобы в первом параграфе советских предложений сделать ссылку также и на понесенные жертвы;

2. Местом пребывания комиссии по ремонтам установить город Москву; считать необходимым, чтобы комиссия приступила к работе немедленно после одобрения принципов взимания ремонтов;

3. Продолжить во время Крымской конференции рассмотрение внесенных В. М. Молотовым двух документов по ремонтному вопросу: об основных принципах взимания ремонтов с Германии и об организации межсоюзной ремонтной комиссии.

К обсуждению обоих документов стороны вернулись спустя два дня — столько времени понадобилось американской и британской делегациям на изучение советских предложений. В полдень 9 февраля в Ливадийском дворце открылось очередное заседание министров иностранных дел, на котором Э. Стеттиниус передал своим коллегам текст американских предложений по вопросу о ремонтах. Как пояснил госсекретарь, они «исходят в основном из предложений, внесенных советской делегацией на рассмотрение трех министров».

Действительно, те разделы американского документа, где речь шла о принципах очередности, формах взыскания ремонтов, по существу (за исключением второстепенных деталей) совпадали с советским проектом основных принципов взимания ремонтов с Германии, представленным 7 февраля. Однако какие-либо количественные показатели размера ремонтов и их разверстки между странами отсутствовали. Вместо этого говорилось: «Московская комиссия прежде всего изучит вопрос об общей сумме германских ремонтов в форме изъятия из национального богатства и ежегодных товарных поставок после окончания войны. Проводя это изучение, комиссия рассмотрит, какие совместные шаги должны быть предприняты с целью уничтожения или сокращения производства различных важных отраслей германской промышленности с точки зрения общей демилитаризации Германии. В первоначальной стадии своей работы комиссия примет во внимание предложение советского правительства об общей сумме ремонтов в 20 миллиардов долларов для всех видов ремонтов»⁶⁹.

Естественно, это никого ни к чему не обязывающее положение не понравилось советским представителям. И. М. Майский, присутствовавший на заседании министров, потребовал последнюю фразу изменить, предложив более мягкую по сравнению с советским проектом, но все же принудительную формулировку: «Ремонтная комиссия в своей работе будет исходить из цифры 20 миллиардов долларов как базы для дискуссии». В. М. Молотов, со своей стороны, заметил, что было бы достаточно указать минимальную сумму ремонтов, причитающуюся Советскому Союзу, то есть 10 млрд долларов.

Ни с той, ни с другой поправкой Э. Стеттиниус не согласился. Было бы лучше, заметил он, «передать вопрос о суммах ремонтов на рассмотрение ремонтной комиссии», а в настоящее время никаких обязательств в этом отношении он на себя взять не может. Впрочем, он не исключил, что можно будет гарантировать Советскому Союзу предоставление «50% от общей суммы ремонтов». Такая формулировка не встретила возражений у В. М. Молотова, хотя он отметил, что предпочел бы зафиксировать размер советской доли в 10 млрд

долларов, поскольку пока не ясно, окажется эта сумма «меньше или больше 50% от общей суммы reparаций».

Прениям по этому вопросу положил конец Э. Стеттиниус, заявивший, что «сейчас не может дать согласие на то, чтобы указать общую сумму 20 миллиардов долларов как основу для обсуждения в репарационной комиссии и чтобы 50% от этой суммы пошло для СССР». Никаких конструктивных предложений не смог внести и А. Иден, поскольку до сих пор «не получил ответа из Лондона по вопросу о репарациях». Но ему было известно, что У. Черчилль выступает «против того, чтобы сейчас указывать определенную сумму reparаций». Все же А. Иден попытался приободрить советских представителей, добавив: «СССР может быть уверен в том, что союзники понимают интересы СССР в этом деле».

В итоге решение относительно принципов взимания reparаций с Германии было, как говорят дипломаты, зарезервировано, то есть Э. Стеттиниусу предоставлено дополнительное время для консультаций с президентом, а А. Идену — для выяснения позиции членов военного кабинета в Лондоне. Зато проект положения о репарационной комиссии был принят в редакции, предложенной советской стороной⁷⁰.

Уже на заседании глав правительств, состоявшемся спустя несколько часов, во второй половине дня 9 февраля, Э. Стеттиниус мог сообщить, что по единственному пункту разногласий «между советской и американской делегациями достигнут компромисс, а именно: московская репарационная комиссия положит в основу своей работы общую сумму reparаций в порядке единовременных изъятий и ежегодных товарных поставок в 20 миллиардов долларов, из которых 50% предназначаются Советскому Союзу». А. Иден не участвовал в этом соглашении, поскольку все «еще не получил указаний из Лондона»⁷¹.

Только на следующий день, 10 февраля, А. Иден смог представить британские предложения относительно принципов взимания reparаций с Германии, одобренные военным кабинетом. Они существенно отличались от варианта, согласованного ранее советской и американской делегациями. В них говорилось, что reparации должны распределяться не только в соответствии с вкладом в победу отдельных стран, но и с размером «понесенных ими материальных потерь», как это было в первоначальном советском проекте. Однако к вышеупомянутым критериям британская сторона добавила еще один критерий: «Во внимание должны быть приняты также поставки странам-получателям (reparаций). — *Прим. ред.*) со стороны других вражеских стран». Согласно британскому документу, reparации должны взиматься не в двух, а в трех формах — не только в виде единовременных изъятий и ежегодных товарных поставок, но и в виде использования «германского труда и перевозок на грузовиках». Наконец, последний пункт гласил: «При установлении общей суммы reparаций... должны быть приняты во внимание планы по расчленению Германии, потребности оккупационных сил и необходимость Германии время от времени получать достаточное количество иностранной валюты от ее экспорта для оплаты текущего импорта и предвоенных претензий Объединенных Наций к Германии»⁷².

Разъясняя этот пункт британских предложений, А. Иден заявил, что «англичане хотели бы избежать такого положения, при котором им пришлось бы кормить немцев». Тем более он исключал возможность «указывать какие-либо цифры», то есть размеры reparаций, «до изучения вопроса в репарационной комиссии». Вполне осознавая, какое впечатление на других министров, прежде всего на советского, произведут британские предложения, он примирительно добавил, что «английская делегация согласна с принципами, но весь вопрос о reparациях должен быть изучен репарационной комиссией». В. М. Молотов не скрывал своего разочарования жесткой позицией британской делегации: «При таком положении нет базы для работы репарационной комиссии», то есть нельзя дать ей конкретных ориентиров⁷³.

В тот же день, 10 февраля, тема reparаций была поднята во время двусторонних переговоров между И. В. Сталиным и У. Черчиллем. Советский руководитель спросил своего собеседника, не «пугает ли англичан предложенная советской делегацией цифра reparаций с Германии». У. Черчилль ответил, что «получил телеграмму от военного кабинета, в которой британское правительство высказывается против фиксирования определенной суммы ре-

параций уже в настоящее время». А. Иден, участвовавший в этой встрече, также попытался свалить ответственность на членов кабинета министров. В Лондоне, заметил он, «не существует комиссии по репарационным вопросам, подобной комиссии Майского», поэтому там и «не могут судить о цифре, названной советской делегацией». Во всяком случае, позиция британского правительства остается прежней: оно «согласно с принципом репараций... что касается суммы репараций, то... этот вопрос лучше всего можно было бы изучить в репарационной комиссии в Москве»⁷⁴.

Тема репараций была продолжена и 10 февраля на заседании глав правительств. И. В. Сталин пытался нащупать почву для компромисса с союзниками в данном вопросе. Сначала он предложил принять следующее решение: «Три державы согласны в том, что Германия должна оплатить товарами (или в натуре) наиболее существенные убытки, причиненные ею в ходе войны союзным нациям. Поручить репарационной комиссии обсудить вопрос о размерах возмещения убытков, предложив взять за основу советско-американскую формулу, и о результатах доложить правительствам». Он пояснил, что советско-американское соглашение принять сумму в 20 млрд долларов как базу для дискуссии останется в силе, но не будет обнародовано до тех пор, пока все три державы, включая Великобританию, не сочтут такой шаг необходимым.

Ф. Рузвельт поддержал компромиссное предложение советского руководителя. Но У. Черчилль остался непреклонен: «Конференция не может связывать себя никакими цифрами до того, как репарационная комиссия исследует вопрос и придет к определенным заключениям». Зачитав выдержки из своей переписки с военным кабинетом, он подчеркнул, что «англичане считают совершенно невозможным называть сейчас какую-либо сумму репараций».

В итоге И. В. Сталин предложил еще одну редакцию соответствующего решения, в которой уже не упоминались никакие количественные показатели:

1. Главы трех правительств согласились, что Германия должна возместить в натуре убытки, причиненные ею в ходе войны союзным странам;

2. Поручить московской репарационной комиссии обсудить вопрос о размерах убытков, подлежащих возмещению, и о своих выводах доложить правительствам.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль заявили, что согласны с новым советским предложением⁷⁵.

К утру 11 февраля советская делегация подготовила новый документ — «Протокол о переговорах между главами трех правительств на Крымской конференции по вопросу о репарациях натурой с Германией». Он был передан Ф. Рузвельту и У. Черчиллю, когда главы правительств собрались на свое последнее заседание, посвященное обсуждению итогового коммюнике конференции. В этот документ вошли основные положения прежних проектов решения репарационного вопроса, одобренные всеми тремя делегациями. Но спорный вопрос об общей сумме репараций был изложен в новой редакции, которая учитывала особую позицию британской стороны. В отношении определения общей суммы, а также ее распределения между пострадавшими от германской агрессии странами советская и американская делегации договорились о следующем: «Московская комиссия по репарациям в первоначальной стадии своей работы примет в качестве базы для обсуждения предложение советского правительства о том, что общая сумма репараций в соответствии с пунктами «а» и «б» статьи 2 должна составлять 20 миллиардов долларов и что 50% этой суммы идет Советскому Союзу». Британская делегация считала, что впредь до рассмотрения вопроса о репарациях московской комиссией не могут быть названы никакие цифры. Вышеприведенное советско-американское заключение было передано московской комиссии по репарациям в качестве одного из предложений, подлежащих ее рассмотрению⁷⁶.

Ознакомившись с этим документом, У. Черчилль не высказал никаких существенных замечаний. Не возражал против него и А. Иден, но попросил отложить его обсуждение «до просмотра всего текста коммюнике». Участники конференции так и поступили. В конце заседания, когда они вернулись к обсуждению протокола, Ф. Рузвельт сказал, что проект этого документа, предложенный советской стороной, «для него приемлем». У. Черчилль также заявил, что, «за исключением некоторых стилистических изменений... согласен с проектом протокола»⁷⁷.

Международная организация безопасности

Процедура голосования в Совете Безопасности

6 февраля, воспользовавшись замечанием британского премьер-министра, обеспокоенного возможными негативными последствиями вывода американских войск из Европы после войны, Ф. Рузвельт заметил: «Вопрос о сроке пребывания американских войск в Европе зависит от состояния американского общественного мнения. Например, если удастся создать организацию, подобную намеченной в Думбартон-Оксе (конференции представителей СССР, США и Великобритании. — *Прим. ред.*), то участие США в оккупации может оказаться и более длительным». Сославшись на то, что министры иностранных дел тянут с выполнением поручений, которые им накануне дали главы правительств, президент предложил не терять времени зря и непосредственно «приступить к обсуждению вопроса о международной организации безопасности».

Поскольку никто не возражал, Ф. Рузвельт попросил госсекретаря Э. Стеттиниуса проинформировать глав правительств о работе над созданием этой организации. Тот отметил, что определенные вопросы, поднятые в Думбартон-Оксе, «были оставлены для дальнейшего рассмотрения и разрешения в будущем». Из них самым важным он назвал «вопрос о том, какая процедура голосования должна применяться в Совете Безопасности», подвергавшийся «непрерывному непрерывному изучению со стороны каждого из трех правительств» со времени завершения конференции в Думбартон-Оксе. Свои предложения по этому вопросу еще 5 декабря 1944 г. президент США направил И. В. Сталину и У. Черчиллю. И «в соответствии с советскими и британскими замечаниями» этот документ был подвергнут незначительной корректировке. Его последнюю редакцию Э. Стеттиниус и огласил на заседании глав правительств.

Согласно этому документу, «решения Совета Безопасности по вопросам процедуры принимаются большинством в семь голосов», а по всем другим вопросам — «большинством в семь голосов, включая совпадающие голоса постоянных членов». При этом любая страна — член Совета Безопасности, вовлеченная в международный спор, «воздерживается от голосования при принятии решений». По мнению госсекретаря, «американское предложение находится в полном соответствии с особой ответственностью великих держав за сохранение всеобщего мира... требует безусловного единогласия постоянных членов Совета по всем важнейшим решениям, относящимся к сохранению мира, включая все экономические и военные принудительные меры». Вместе с тем было учтено и то существенное обстоятельство, что «мирное урегулирование любого могущего возникнуть спора есть дело, представляющее общий интерес, — дело, в котором суверенные государства, не являющиеся постоянными членами, имеют право изложить свою точку зрения без всяких ограничений»⁷⁸.

Советская делегация настороженно отнеслась к документу, представленному американской делегацией. И. В. Сталин поинтересовался, нет ли там чего-нибудь нового по сравнению с посланием президента от 5 декабря 1944 г. Получив вполне ожидаемый ответ Ф. Рузвельта: «То же самое, лишь с небольшими редакционными изменениями», И. В. Сталин пожелал ознакомиться с этими изменениями. В итоге В. М. Молотов заявил, что «советская делегация... хотела бы изучить предложение Стеттиниуса» и поэтому «предлагает отложить обсуждение вопроса до завтрашнего дня».

Однако отсрочка, судя по всему, не входила в планы других делегаций. Дискуссия была продолжена. Слово взял У. Черчилль, который формально согласился с предложением В. М. Молотова, мол, «не должно быть излишней поспешности в изучении столь важного вопроса». Вместе с американцами У. Черчилль признавал, что «вопрос о том, будет ли мир построен на прочных основах, зависит от дружбы и сотрудничества трех великих держав». Но в то же время он подчеркнул: «Мы поставили бы себя в ложное положение и не были бы справедливы по отношению к своим намерениям, если бы мы не предусмотрели возможности свободного высказывания по своим претензиям со стороны малых государств». В противном случае, по словам У. Черчилля, «дело выглядело бы так, как будто три главные державы претендуют на управление всем миром».

Взглядам Э. Стеттиниуса и особенно У. Черчилля на безопасность, в основе которых лежали принципы баланса сил и интересов больших и малых государств, И. В. Сталин противопоставил собственное мнение, выражавшее его глубокую озабоченность опасностью раскола коалиции в преддверии победного завершения войны⁷⁹. Он заявил: «Самое... важное условие для сохранения длительного мира — это единство трех держав. Если такое единство сохранится, германская опасность не страшна. Поэтому надо подумать о том, как лучше обеспечить единый фронт между тремя державами, к которым следует прибавить Францию и Китай. Вот почему вопрос о будущем уставе международной организации безопасности приобретает такую важность. Надо создать возможно больше преград для расхождения между тремя главными державами в будущем. Надо выработать такой устав, который максимально затруднял бы возникновение конфликтов между ними. Это — главная задача».

Возвращаясь к вопросу о процедуре голосования, И. В. Сталин обратился к участникам конференции с вопросом: правильно ли он понимает, что все конфликты, которые могут поступить на рассмотрение Совета Безопасности, подразделяются на две категории: споры, для разрешения которых требуется применение экономических, политических, военных или каких-либо других санкций, и споры, которые могут быть урегулированы мирными средствами, без применения санкций? Ф. Рузвельт и У. Черчилль подтвердили, что И. В. Сталин понимает правильно.

Советский руководитель продолжал: правильно ли он понимает, что при обсуждении конфликтов первой категории предполагается не только свобода дискуссий, но требуется также единогласие постоянных членов Совета при принятии решения? Причем он в особенности хочет удостовериться, что в этом случае все постоянные члены Совета участвуют в голосовании, иначе говоря, что «держава, участвующая в споре, не будет выведена за дверь». Что же касается конфликтов второй категории, то «держава, участвующая в споре (в том числе и постоянные члены Совета), не принимает участия в голосовании». Ф. Рузвельт и У. Черчилль и на этот раз заверили его, что он все понимает верно.

И. В. Сталин пояснил, что Советский Союз больше всего заинтересован не в прениях по тому или иному вопросу, «а в решениях, которые будет принимать Совет Безопасности. А ведь решения принимаются с помощью голосования». У. Черчилль заметил на это, что у Великобритании всегда будет возможность сказать своим недругам «нет», то есть применить право вето. Премьер-министр подчеркнул, что «власть международной организации не может быть использована против трех великих держав». Его слова подтвердил А. Иден, отметивший, что «страны могут говорить, спорить, но решение не может быть принято без согласия трех главных держав».

Ф. Рузвельт, подводя итоги обмена мнениями, заявил: «Единство великих держав — одна из наших целей... американские предложения содействуют достижению этой цели». Разрешая свободу дискуссий в ассамблее, по мнению президента, «великие державы будут демонстрировать то доверие, которое они питают друг к другу». И. В. Сталин согласился с мнением Ф. Рузвельта и предложил перенести обсуждение данного вопроса на следующее заседание⁸⁰.

7 февраля главы правительств по предложению И. В. Сталина вернулись к вопросу о процедуре голосования в Совете Безопасности. От советской делегации выступил В. М. Молотов. Он с похвалой отозвался о докладе, который накануне сделал Э. Стеттиниус: «Мы довольны этим докладом. Мы получили ряд разъяснений и считаем, что теперь некоторые вопросы, в которых мы заинтересованы, стали более ясными». Позитивный отзыв из уст наркома заслужил и британский премьер-министр: «Мы также внимательно выслушали, что... говорил Черчилль». Вывод В. М. Молотова гласил: «Предложения, разработанные в Думбартон-Оксе, а также дополнительные предложения, сделанные Рузвельтом, могут служить основой будущего сотрудничества великих и малых держав в вопросах международной безопасности»⁸¹.

Главы американской и британской делегаций не скрывали своей радости в связи с явлением наркома. Ф. Рузвельт отметил, что «он счастлив слышать о согласии советского

правительства с его предложениями», и констатировал большой прогресс, достигнутый на конференции. Ему вторил У. Черчилль, имевший полное право считать, что своим дипломатическим успехом Ф. Рузвельт во многом обязан и его личным усилиям. Премьер-министр выразил «горячую благодарность советскому правительству за тот огромный шаг, который был им сделан навстречу общим взглядам, выработанным в Думбартон-Оксе». Он выразил также уверенность, что «соглашение трех великих держав по этому важнейшему вопросу вызовет радость среди всех мыслящих людей»⁸².

Членство советских республик

Выступая на заседании глав правительств 7 февраля, В. М. Молотов, сообщив о согласии с американскими предложениями по процедуре голосования, «коснулся еще одного вопроса, который был поднят в Думбартон-Оксе, но не был там разрешен... вопроса об участии советских республик в международной организации безопасности в качестве членов-учредителей». Нарком не стал вдаваться в историю вопроса, заметив лишь, что как позиция советского правительства по этому вопросу, так и отношение к ней британского и американского правительства хорошо известны. Но теперь советская делегация выходит с новым предложением: она «считает правильным и справедливым, чтобы три или по крайней мере две из советских республик находились в числе инициаторов международной организации». В. М. Молотов упомянул об Украине, Белоруссии и Литве. Предвидя вопрос, мол, какие для этого имеются основания, нарком пояснил: «Названные республики понесли наибольшие жертвы в войне и были первыми территориями, на которые вторглись немцы». По просьбе американского президента В. М. Молотов уточнил, что речь идет только о том, чтобы эти республики стали членами ассамблеи⁸³.

Ф. Рузвельт был явно озадачен новой советской инициативой. Он отметил, что вопрос об участниках-учредителях и без того очень сложен. Не ясно, например, какие страны из числа участвовавших в войне с Германией должны быть приглашены на учредительную конференцию. Еще труднее ответить на вопрос, «следует ли приглашать на конференцию наряду с воюющими против Германии странами также «присоединившиеся страны»... которые порвали отношения с Германией, но не объявили ей войну». Между тем сроки поджимают: «Все в Соединенных Штатах хотят, чтобы эта конференция состоялась возможно скорее. Говорят о желательности созыва ее в конце марта». Президент признал, что «вопрос об Украине, Белоруссии и Литве очень интересен», но и он также требует изучения. Кроме того, советская инициатива явно противоречит согласованным принципам устройства международной организации: «Если мы дадим какой-либо стране больше одного голоса, то нарушим правило, что каждый член организации должен иметь только один голос»⁸⁴.

У. Черчилль со всей очевидностью понял, что советская делегация предлагает Западу широкий компромисс по вопросу о международной организации безопасности, своего рода пакетное соглашение: приняв американские предложения по процедуре голосования в Совете Безопасности, она ждет аналогичной реакции на свою инициативу. Вместе с тем он защищал интересы Британского содружества наций, многие члены которого также не без оснований претендовали на равноправное участие в международной организации.

Премьер-министр и начал с вопроса о легитимных правах членов содружества: «В Британской империи существуют самоуправляющиеся доминионы, которые в течение четверти века играли заметную роль в международной организации безопасности, потерпевшей крах перед началом нынешней войны», все они «работали на пользу дела мира и демократического прогресса... без колебаний вступили в войну против Германии», причем сделали это по собственной воле. Конечно, продолжал У. Черчилль, с советскими республиками вопрос сложнее, но он «выслушал предложение советского правительства с чувством глубокой симпатии». Учитывая заслуги «столь великой нации, как Россия, с ее 180-миллионным населением», было бы странно, если бы она имела только один голос в международной организации. Поэтому У. Черчилль «был бы очень рад, если бы президент на предложение советской делегации дал ответ, который нельзя было бы считать отрицательным». Впрочем, сам он тоже пока воздер-

И. В. Сталин и В. М. Молотов

жался от прямого ответа, поскольку не смел «выйти за пределы своих полномочий», ограниченных кабинетом и парламентом. Ему требовалось время, «чтобы обменяться мнениями о советском предложении с министром иностранных дел и военным кабинетом в Лондоне»⁸⁵.

По предложению Ф. Рузвельта конференция поручила министрам иностранных дел обсудить вопрос о членах, месте и дате созыва учредительной конференции международной организации безопасности⁸⁶.

На заседании министров, которое состоялось на следующий день, 8 февраля, Э. Стеттиниус повторил в основном аргументы американского президента, прозвучавшие накануне: мол, он «пока не представляет, как решить вопрос о членстве советских республик», поскольку в «предложениях, разработанных в Думбартон-Оксе, предусмотрено, что каждое государство будет иметь один голос». Но в выступлении госсекретаря прозвучали и новые нотки. Президент ему якобы заявил, что «вопрос, поставленный советской делегацией, его весьма заинтересовал и что он заслуживает сочувственного рассмотрения»⁸⁷.

Позитивная подвижка произошла и в позиции британской делегации. А. Иден утверждал, что правительство его страны не только поддерживает вступление советских республик в число членов международной организации, но и «готово заявить об этом в любой подходящий момент».

В. М. Молотов в своем выступлении на заседании министров трех стран попытался развеять, как ему казалось, последние сомнения западных делегаций. Он упомянул о том, что хотя «Канада и Австралия входят в состав Британской империи», это «не является препятствием для их членства» в международной организации. Он напомнил также об изменениях, которые в феврале 1944 г. были внесены в конституцию СССР и которые «дают союзным республикам право выступить на международной арене». Нарком подыграл своим коллегам и на поле, на котором советским дипломатам всегда трудно было вести дискуссии с представителями «западных демократий». Он заявил: «Развитие в Советском Союзе идет в сторону расширения прав союзных республик и расширения их демократических основ». Самый убедительный аргумент в поддержку советской позиции он припас напоследок: «Нет необходимости говорить о политическом, экономическом и военном значении Украины, Белоруссии или Литвы». Показав, что предложения советской делегации соответствуют требованиям легитимности, В. М. Молотов пожелал без проволочек «прийти к соглашению и сегодня же принять решение» по вопросу о членстве трех советских республик в международной организации⁸⁸.

Фактически никто ему не возражал. Э. Стеттиниус признал, что «советские республики могут быть приняты в число членов до первого заседания ассамблеи организации». А. Иден, со своей стороны, также считал, что «Объединенные Нации могут согласиться увеличить число членов-инициаторов международной организации». По словам британского министра, «он готов был бы поддержать», чтобы к последним были причислены две советские республики. Судя по записи, В. М. Молотов не стал вступать в дискуссию с А. Иденом из-за количества республик. Наоборот, нарком сразу же ухватился за его предложение и попросил сделать к нему следующее добавление: «Три министра иностранных дел договорились о целесообразности предоставить место двум или трем советским республикам». Э. Стеттиниус замаялся, мол, «сначала нужно встретиться, договориться, а затем пригласить советские республики». Но А. Иден подсказал ему выход из затруднительного положения: в повестку дня учредительной конференции нужно поставить «вопрос о приглашении дополнительных членов, которые присутствовали бы затем на первом заседании международной организации». Идея британского министра госсекретарю понравилась, но до обсуждения этого вопроса с президентом он воздержался брать на себя какие-либо обязательства. Вместе с тем Э. Стеттиниус выразил надежду, что «США смогут дать благоприятный ответ до конца сегодняшнего дня». В завершение дискуссии А. Иден не скрывал оптимизма: «Можно считать, что по этому вопросу состоялась договоренность»⁸⁹.

На заседании глав правительств 8 февраля А. Иден доложил: «Министры иностранных дел рассмотрели вопрос о дате созыва конференции, о членстве в международной органи-

зации 2—3 советских республик, а также вопрос о том, какие страны должны быть приглашены на учредительную конференцию. Было решено рекомендовать созвать конференцию 25 апреля 1945 г. в США... Конференция должна будет установить список первоначальных членов международной организации. При этом делегаты Великобритании и Соединенных Штатов поддержат СССР в том, чтобы в числе первоначальных членов организации были две советские республики. Рассмотрение всех деталей приглашения поручено специальной подкомиссии»⁹⁰.

В ходе дискуссии, состоявшейся между главами правительств, Ф. Рузвельт предложил утвердить доклад министров, но с поправкой, что «на конференцию приглашаются все Объединенные Нации, которые объявили войну против общего врага до 1 марта». И. В. Сталин сразу насторожился: значит ли эта поправка, что и советские республики должны будут подписать декларацию Объединенных Наций до указанного президентом срока? Не случится ли так, что на том формальном основании, что они не подписали декларацию, им могут отказать в статусе первоначальных членов? Ф. Рузвельт и У. Черчилль постарались рассеять сомнения советского руководителя, заверив его, что это вопрос технический, решение уже имеется, и этого достаточно. И. В. Сталин был удовлетворен, получив эти заверения. Его просьбу упомянуть Украину и Белоруссию в решении министров иностранных дел президент и премьер министр удовлетворили. На этом конференция признала «вопрос о Думбартон-Оксе» исчерпанным⁹¹.

Вечером 8 февраля И. В. Сталин поздравил всех участников конференции с «завершением работы, начатой в Думбартон-Оксе». Благодаря принятым решениям, по его словам, «заложены юридические основы обеспечения безопасности и укрепления мира — это большое достижение. Это поворотный пункт». Подчеркнул И. В. Сталин и прочность уз, которые связывают Советский Союз с двумя другими державами: «В истории дипломатии я не знаю такого тесного союза трех великих держав, как этот, в котором союзники имели бы возможность так откровенно высказывать свои взгляды».

К вопросу о международной организации, в том числе и в связи с советскими республиками, конференция возвращалась еще не раз. Накануне ее закрытия, 10 февраля, Ф. Рузвельт направил И. В. Сталину послание, в котором поделился беспокойством из-за «возможных политических трудностей», подстерегающих его дома в связи, как он деликатно выразился, с «количеством голосов, которыми будут располагать великие державы в ассамблее международной организации». Принятие Украинской и Белорусской республик в члены ассамблеи международной организации может вызвать нарекания «на наличие у Соединенных Штатов лишь одного голоса в ассамблее». Ф. Рузвельт просил И. В. Сталина согласиться на предоставление «дополнительных голосов в ассамблее с целью уравнять положение Соединенных Штатов», мотивируя это необходимостью получить одобрение конгрессом и народом США политики президента. В ответном послании И. В. Сталин признал, что «поскольку число голосов Советского Союза увеличивается до трех в связи с включением в список членов ассамблеи Советской Украины и Советской Белоруссии», было бы справедливо «также увеличить количество голосов для США». И. В. Сталин допускал, что, как и Советский Союз, США могли бы обладать тремя голосами, а также выражал готовность, если понадобится, поддержать это предложение⁹².

О советских республиках еще раз вспомнили 11 февраля, когда главы правительств на своем последнем заседании обсуждали проект заключительного коммюнике. И. В. Сталин предложил тогда дополнить раздел, посвященный конференции Объединенных Наций, фразой: «Было также решено рекомендовать конференции пригласить в качестве первоначальных членов международной организации безопасности Украину и Белоруссию». Однако Ф. Рузвельт и У. Черчилль его не поддержали. Президент ссылаясь на то, что «оглашение этого решения в настоящее время создало бы для него политические затруднения в США». При этом он уверял советского руководителя, что будет придерживаться достигнутых договоренностей: «Американцы поддержат предложение о приглашении двух советских республик в качестве первоначальных членов организации». У. Черчилль тоже предвидел «большие

трудности и споры» в случае упоминания в коммюнике советских республик. Он опасался, что «британские доминионы могут заявить протест против того, чтобы одно государство имело больше одного голоса». Он предлагал «соглашение об Украине и Белоруссии записать в решениях конференции», не подлежащих публикации. И. В. Сталин не стал настаивать на своем дополнении⁹³.

Польский вопрос и «Декларация об освобожденной Европе»

В намеченном главами правительств порядке работы польский вопрос значился под четвертым номером, после военных и политических планов союзников в отношении фашистской Германии, а также учредительной конференции Международной организации безопасности. До него очередь дошла 6 февраля, на третий день работы конференции, когда У. Черчилль и предложил обсудить польский вопрос.

Ф. Рузвельт, явно предвидя жаркую схватку между У. Черчиллем и И. В. Сталиным, с самого начала принял на себя роль непредвзятого посредника в их споре. Он афишировал стремление правительства США к справедливому решению польского вопроса, отрицая наличие у него каких-либо тайных расчетов.

Открывая общую дискуссию, президент обозначил именно те аспекты польского вопроса, которые в продолжение войны вызвали наибольшую озабоченность союзников, — границы и правительство Польши. Он отметил, что «Соединенные Штаты находятся далеко от Польши», но в его стране «проживают 5–6 миллионов лиц польского происхождения», и их громадное большинство признает, что восточная граница Польши должна проходить по линии Керзона. Это, по словам Ф. Рузвельта, «совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране», но союзники должны учитывать обостренное самолюбие поляков, которые «всегда очень озабочены тем, чтобы не потерять лицо». И у Советского Союза имеется возможность удовлетворить это желание поляков: «Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона». Президент пояснил, что не настаивает на своей просьбе, но рассчитывает, что советское правительство примет ее во внимание.

Однако, по мнению Ф. Рузвельта, «наиболее существенной частью польского вопроса является вопрос о создании постоянного правительства». Имея в виду временное правительство Польской Республики, образованное при поддержке Советского Союза на освобожденной территории в городе Люблине, он заявил, что «общественное мнение Соединенных Штатов настроено против того, чтобы Америка признала люблинское правительство», поскольку «народу Соединенных Штатов кажется», что оно «представляет лишь небольшую часть польского народа». Американцы, по словам президента, выступают за то, чтобы в Польше было образовано «правительство национального единства, в которое вошли бы представители всех польских партий: рабочей или коммунистической партии, крестьянской партии, социалистической партии, национал-демократической партии и других». Такое правительство действительно представляло бы народные массы страны и пользовалось бы их поддержкой. Поскольку оно, скорее всего, будет временным, то совершенно неважно, каким способом его будут формировать. По мнению самого Ф. Рузвельта, сначала можно было бы создать «президентский совет в составе небольшого количества выдающихся поляков», на который и была бы «возложена задача создания временного правительства». Президент заметил, что это единственное предложение, которое он «привез с собой из Соединенных Штатов за три тысячи миль», и в заключение своей речи выразил надежду на то, что после войны «Польша будет в самых дружественных отношениях с Советским Союзом»⁹⁴.

Затем слово было предоставлено У. Черчиллю. Британский премьер-министр явно добивался, чтобы его позиция по польскому вопросу выглядела сбалансированной. С одной стороны, он «постоянно публично заявлял в парламенте и других местах о намерении бри-

танского правительства признать линию Керзона в том виде, как она толкуется советским правительством, то есть с оставлением Львова у Советского Союза». Призыв американского президента к советским властям о территориальных уступках как средству утолить самолюбие поляков не нашел поддержки у У. Черчилля. Он подчеркнул, что «претензии русских на Львов и на линию Керзона базируются не на силе, а на праве». С другой стороны, премьер-министр отметил, что «больше интересуется вопросом польского суверенитета, свободой и независимостью Польши, чем уточнением линии ее границ. Он хотел бы, чтобы у поляков была родина, где они могли бы жить так, как им кажется лучшим».

У. Черчилль отрицал какие-либо корыстные мотивы британской политики в польском вопросе: «У Великобритании нет никаких материальных интересов в Польше. Великобритания вступила в войну, чтобы защитить Польшу от германской агрессии. Великобритания интересуется Польшей потому, что это — дело чести Великобритании». Поэтому он возражал бы против любого решения, если оно «не обеспечило бы Польше такое положение, при котором она была бы хозяином в своем доме». Но и полякам следует предъявить жесткие требования: свободная Польша должна твердо усвоить, что впредь исключаются «с ее стороны враждебные намерения или интриги против Советского Союза». Впрочем, за поляков британский премьер-министр готов уже сейчас поручиться: «Мы... не просили бы о том, чтобы Польша была свободной, если бы у нее были враждебные намерения в отношении Советского Союза».

По мнению У. Черчилля, участники Ялтинской конференции не могут разъехаться по домам, «не предприняв практических мер по польскому вопросу». Сложилось недопустимое положение, когда «существуют два польских правительства, в отношении которых союзники придерживаются разных мнений». Хотя сам он никогда особенно не симпатизировал лондонским полякам, среди них есть умные и честные люди, с которыми «британское правительство находится в дружеских отношениях». У. Черчилль признает необходимость создания нового правительства для Польши, такого, «как то, о котором говорил президент». И оно должно оставаться у власти до тех пор, пока «польский народ сможет свободно избрать такое правительство, которое будет признано Советским Союзом, Великобританией, Соединенными Штатами, а также другими Объединенными Нациями, ныне признающими польское правительство в Лондоне». Решение о создании нового польского правительства следует, по мнению премьер-министра, принять прямо на Ялтинской конференции⁹⁵.

И. В. Сталин выслушал У. Черчилля не перебивая. И. М. Майский, присутствовавший на заседании, записал в своем дневнике: «Я видел, что в течение речей Рузвельта и Черчилля, особенно Черчилля, Сталин приходит в состояние все большего волнения»⁹⁶. Взяв слово, И. В. Сталин постарался пункт за пунктом опровергнуть основные доводы британского премьер-министра. Допустим, заявил он, что для британского правительства вопрос о Польше является вопросом чести, но для нас, для русских, это не только вопрос чести, но также и безопасности. По признанию И. В. Сталина, «у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится заглавить эти грехи». По сравнению с царизмом Советский Союз осуществил крутой поворот в своих отношениях с польским народом: «Царское правительство стремилось ассимилировать Польшу», тогда как Советское государство «пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения ее независимости».

Но при этом, подчеркнул И. В. Сталин, нельзя забывать и о том, что «с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства». На сути этих проблем советский руководитель остановился подробнее. Дело, заявил он, не сводится к тому, что «Польша — пограничная с нами страна». Все обстоит гораздо серьезнее, поскольку «на протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». И. В. Сталин напомнил участникам конференции уроки обеих мировых войн: за последние 30 лет немцы дважды «прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну». Он предложил им задуматься над вопросом: «Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу?» И сам же ответил на него: «Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он

может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши». Путем подобных умозаключений И. В. Сталин постарался обосновать вывод, который должен был обезоружить критиков его политики: «Нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства».

Затем И. В. Сталин высказал мнение по конкретным аспектам польской проблемы, затронутым Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Относительно восточной границы Польши И. В. Сталин заметил, что линию Керзона придумали западные политики и дипломаты на Парижской мирной конференции 1919 г. Это было сделано не только без участия, но даже «вопреки воле русских». В частности, против линии Керзона возражал В. И. Ленин, поскольку «не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область». Но с тех пор советское правительство отступило от позиции Ленина. «Вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо». Воспользовавшись выражением Ф. Рузвельта, советский руководитель предложил ему вообразить, «с каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву».

Но одновременно советский руководитель дал понять, что компромисс между союзниками по вопросу о границах Польши возможен. Правда, его нужно искать не там, где предлагает американский президент, не на востоке. «Нет, — заявил И. В. Сталин, — пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе». По его словам, сами поляки заинтересовались подобной возможностью. Он сослался на свой разговор с премьер-министром польского правительства в Лондоне С. Миколайчиком, осенью 1944 г. посетившим с визитом Москву, который был «очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши мы признаем линию по реке Нейсе». И. В. Сталин уточнил, что речь идет о притоке Одера, протекающем на значительно большем расстоянии от довоенной польско-германской границы, чем Восточная Нейсе. Советский руководитель попросил Ф. Рузвельта и У. Черчилля поддержать его предложение о том, что «западная граница Польши должна идти по Западной Нейсе».

Далее И. В. Сталин откровенно высмеял У. Черчилля. Он высказал предположение, что премьер-министр оговорился, когда предложил создать польское правительство прямо здесь, на Ялтинской конференции: «Как можно создать польское правительство без участия поляков?» Его называют диктатором, считают его недемократом, однако, утверждал И. В. Сталин, у него «достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков... Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия». Трудность заключается в том, что именно лондонские поляки этому препятствуют. Когда С. Миколайчик находился в Москве, вспоминал И. В. Сталин, была устроена его встреча с представителями люблинского правительства, и в результате обмена мнениями между ними наметились «даже некоторые пункты соглашения». Советский руководитель не исключал, что оставалось совсем немного «для завершения шагов по организации польского правительства».

Но все рухнуло. С. Миколайчик, по словам И. В. Сталина, «был изгнан из польского правительства в Лондоне за то, что... отстаивал соглашение». Нынешние его руководители не только выступают против соглашения с люблинским правительством, но и всячески поносят его, называя «собранием преступников и бандитов». Неудивительно, что люблинское правительство, переехавшее тем временем в Варшаву, «не остается в долгу и квалифицирует лондонских поляков как предателей и изменников». Короче говоря, И. В. Сталин не знает, как тех и других можно было бы свести вместе. Точнее, он был бы «готов предпринять любую попытку для объединения поляков, но только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех». Он даже был бы не против того, чтобы пригласить в Ялту или в Москву для переговоров варшавских поляков.

Но фактически И. В. Сталин признал, что не видит целесообразности в таких действиях, доверительно сообщив Ф. Рузвельту и У. Черчиллю, что как Верховный главнокомандующий прежде всего озабочен сохранением «порядка и спокойствия в тылу Красной армии», воюющей против Германии. И по большому счету ему безразлично, какое правительство будет обеспечивать этот порядок, важно лишь, чтобы советским солдатам «не стреляли в спину». Но он вынужден констатировать, что если «варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами», то от «агентов лондонского правительства», от так называемых «сил внутреннего Сопrotивления мы не имеем ничего, кроме вреда». Последние убивают советских военнослужащих, нападают на склады с оружием, игнорируют приказы военных властей — словом, нарушают все законы войны. «Они жалуются, — добавил И. В. Сталин, — что мы их арестовываем... Если эти «силы» будут продолжать нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать»⁹⁷.

И. М. Майский отметил в дневнике: «Чем дольше говорил Сталин, тем напряженнее становилась тишина за круглым столом, тем мрачнее делались лица Рузвельта и Черчилля»⁹⁸. После заключительной фразы И. В. Сталина американский президент решил прервать прения и предложил перенести обсуждение польского вопроса на следующее заседание. Однако У. Черчилль, задетый за живое доводами И. В. Сталина, не унимался. Он высказал предположение, что советское и британское правительства пользуются различными источниками информации. По данным британского правительства, поддерживаемое СССР правительство Польши вряд ли «представляет хотя бы 1/3 польского народа». Но дело даже не в этом: столкновения между политическими противниками могут привести к кровопролитию. Британское правительство, заявил премьер-министр, осуждает нападения на Красную армию сторонников польского правительства в Лондоне, но вместе с тем не может признать и легитимность люблинского правительства. Ф. Рузвельт призвал премьер-министра к сдержанности, назидательно заметив: «Польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль»⁹⁹. У. Черчилль ему ответил: вот, мол, и «надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству». И. В. Сталин поддержал премьер-министра: «Это обязательно нужно сделать»¹⁰⁰.

Таким образом, дискуссия 6 февраля показала, что, несмотря на острые разногласия, ни одна из сторон не отказывалась от поиска взаимоприемлемого компромисса по польскому вопросу. При этом Ф. Рузвельт и У. Черчилль со всей очевидностью рассчитывали, что признание ими линии Керзона в качестве советско-польской границы расставит И. В. Сталина смягчить свою позицию относительно правительства Польши. Их расчеты перечеркнуло предложение советского руководителя о компенсации территориальных потерь Польши на востоке посредством значительного расширения ее границ на западе за счет Германии. Ни отклонить это предложение, ни тем более взять назад свои твердые обещания относительно линии Керзона было немыслимо. Вполне сознавая слабость своей переговорной позиции, Ф. Рузвельт и У. Черчилль были вынуждены уступить И. В. Сталину, пойти навстречу его пожеланиям. Во всяком случае, уезжать из Ялты, не достигнув соглашения с И. В. Сталиным по польскому вопросу, они не хотели и не могли.

Эти противоречивые чувства, по всей видимости, и побудили Ф. Рузвельта вечером 6 февраля обратиться к И. В. Сталину с личным посланием. В первых его строках президент выражал глубокую озабоченность отсутствием согласия между тремя великими державами относительно «политического положения в Польше». Это, предупреждал он, чревато серьезными последствиями: «Признание Вами одного правительства, а нами и британцами — другого в Лондоне... выставляет нас в плохом свете перед всем миром». Найдется немало людей, кто подумает, что «между нами существует раскол, чего в действительности нет». Что касается самого Ф. Рузвельта, то он «исполнен решимости не допустить раскола» между США и СССР. Более того, он выражал уверенность, что наверняка найдется «способ примирить наши разногласия». В частности, президент признал убедительным довод И. В. Сталина о том, что Красная армия, «продвигающаяся к Берлину, должна иметь обеспеченный тыл». Соглашался он и с тем, что союзники «не должны терпеть какое-либо временное правитель-

За подготовкой документов

У. Черчилль у Ливадийского дворца

ство (в Польше. — *Прим. ред.*), которое будет причинять... неприятности этого рода». Но, со своей стороны, и И. В. Сталин должен понять, что, как писал Ф. Рузвельт, «мы не можем признать люблинское правительство в его теперешнем составе... Если бы мы разъехались при наличии открытых и явных разногласий между нами по этому вопросу... весь мир считал бы, что мы закончили нашу работу здесь с прискорбными результатами».

Президент напомнил, что во время дискуссии 6 февраля И. В. Сталин высказался о возможности пригласить в Ялту варшавских поляков. Эта мысль показалась Ф. Рузвельту плодотворной. Учтывая, писал он, что «все мы в равной степени стремимся урегулировать это дело», он позволил себе «немного развить» ее и «предложить, чтобы мы немедленно пригласили сюда, в Ялту» наиболее влиятельных членов люблинского правительства¹⁰¹, а также двух или трех лиц из числа тех «поляков, которые... были бы желательны в качестве представителей других элементов польского народа¹⁰² для создания нового временного правительства, которое мы все трое могли бы признать и поддержать». Президент считал возможным договориться с этими лицами о временном правительстве в Польше, причем такое правительство «должно включать некоторых польских деятелей, находящихся за границей»¹⁰³. Лишь при этом условии США и Великобритания, по мнению Ф. Рузвельта, «были бы готовы рассмотреть... условия, на которых мы отмежевались бы от лондонского правительства и вместо него признали бы новое временное правительство»¹⁰⁴.

Открывая в четыре часа дня 7 февраля заседание глав правительств, Ф. Рузвельт подчеркнул, что «для него не столь важна та или иная граница Польши» и что на самом деле он «больше всего интересуется вопросом о польском правительстве». Причем, по его мнению, можно оставить пока в покое такие понятия, как «законность или постоянство польского правительства», учитывая, что «в Польше в течение нескольких лет не было вообще никакого правительства». Президент США настаивал на том, чтобы при содействии трех держав в Польше было создано такое временное правительство, которое бы обеспечило проведение свободных выборов. Ф. Рузвельт призвал участников конференции внести в обсуждение этого вопроса «что-нибудь новое, что-то такое, что было бы похоже на струю свежего воздуха».

После отчета министров иностранных дел о выполнении ими поручений конференция вернулась к дискуссии по польскому вопросу. Первым взял слово И. В. Сталин, который сообщил, что получил послание американского президента. Огласив содержащиеся в нем предложения, советский руководитель выразил сомнения в их осуществимости: он не представляет себе, «где можно найти тех лиц, которые названы в послании Рузвельта... не знает их адресов и боится, что участники настоящего совещания не смогут дождаться приезда поляков в Крым». Вместе с тем советский руководитель дал понять участникам конференции, что готов к конструктивному сотрудничеству с ними в целях преодоления имеющихся разногласий. Он заявил, что идя «навстречу пожеланиям Рузвельта», советская делегация разработала свой проект решения по польскому вопросу, и предложил участникам конференции заняться другими делами, пока его перепечатают.

Действительно, спустя короткое время В. М. Молотов известил, что «текст советских предложений по польскому вопросу готов, и он хотел бы вручить его английской и американской делегациям». Советские предложения были следующими:

1. Считать, что границей Польши на востоке должна быть линия Керзона с отклонением от нее в некоторых районах на 5–8 километров в пользу Польши;
2. Считать, что западная граница Польши должна идти от города Штеттина (для поляков), далее на юг по реке Одер, а дальше по реке Нейсе (Западной);
3. Признать желательным пополнить временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями из эмигрантских польских кругов;
4. Считать желательным признание пополненного временного польского правительства союзными правительствами;
5. Признать желательным, чтобы временное польское правительство, пополненное указанным в пункте три способом, в возможно короткий срок призвало население Польши к всеобщим выборам для организации постоянных органов государственного управления Польши;

6. Поручить В. М. Молотову, господину А. Гарриману и господину А. Керру обсудить вопрос о пополнении временного польского правительства совместно с представителями временного польского правительства и представить свои предложения на рассмотрение трех правительств¹⁰⁵.

Компромиссный характер советских предложений не подлежал сомнению. Поэтому первая реакция американской и британской делегаций на предложения В. М. Молотова была скорее положительной. Ф. Рузвельт признал, что они «представляют определенный прогресс». У. Черчилль назвал их шагом вперед. Но президента, равно как и премьер-министра, покорило выражение «эмигрантские польские круги». Ф. Рузвельт заметил, что «вовсе не обязательно привлекать к участию в польском правительстве непременно лиц из эмиграции. Можно будет найти подходящих людей и в самой Польше». У. Черчилль, со своей стороны, указал, что во время Французской революции XVIII в. эмигрантами называли людей, изгнанных французским народом. Поляки же, о которых идет речь, были изгнаны Гитлером. Поэтому премьер-министр предложил слово «эмигранты» заменить выражением «поляки, находящиеся за границей». И. В. Сталин с его предложением согласился.

Усомнился У. Черчилль в обоснованности советских предложений относительно западной границы Польши. Он посоветовал сделать такую оговорку: «Польша должна иметь право взять себе такую территорию, которую она пожелает и которой она сможет управлять». Кроме того, в случае значительного расширения территории Польши на запад могут возникнуть трудности с «выселением большого количества немцев». Впрочем, самого У. Черчилля, по его признанию, «такая перспектива отнюдь не страшила». Тем не менее И. В. Сталин поспешил развеять его опасения и заверил, что для тревоги нет никаких оснований: «В тех частях Германии, которые занимает Красная армия, немецкого населения почти нет». В итоге, Ф. Рузвельт и У. Черчилль обещали изучить советские предложения, чтобы затем обсудить их на следующем заседании¹⁰⁶.

Дискуссия по советским предложениям состоялась на заседании глав правительств 8 февраля. Представители советской и британской делегаций и на этот раз не сумели воздержаться от полемических выпадов. Напротив, Ф. Рузвельт, взявший слово первым, старался говорить только по существу вопроса. Он не возражал против советского плана урегулирования в отношении восточной границы Польши, который отчасти учитывал пожелания самого президента. Ф. Рузвельт согласился даже «с предоставлением Польше компенсации за счет Германии». Он одобрил присоединение к Польскому государству «Восточной Пруссии к югу от Кёнигсберга и Верхней Силезии вплоть до Одера», но идею отодвинуть польско-германскую границу до Западной Нейсе не нашел оправдания. Впрочем, главным препятствием на пути к соглашению он считал разногласия не о границах, а о правительстве Польши.

Советское предложение «пополнить временное польское правительство некоторыми демократическими деятелями» не произвело впечатления на американского президента. Во всяком случае, он его не поддержал и выступил с инициативой проведения в Москве переговоров между дипломатами трех держав и польскими политиками об образовании в Польше нового правительства, правительства национального единства. По мысли Ф. Рузвельта, в результате этих переговоров должен возникнуть президентский совет с функциями главы государства, который «займется созданием правительства из людей, имеющих в варшавском правительстве, из демократических элементов внутри Польши и за границей». Образованное таким образом временное правительство Польши будет обязано «провести выборы в учредительное собрание», которое выработает новую польскую конституцию. И только затем можно будет сформировать постоянное правительство Польши. Изложив свой план, Ф. Рузвельт добавил: «Когда будет создано временное польское правительство национального единства, то наши три правительства его признают»¹⁰⁷.

В выступлении американского президента именно последняя фраза больше всего заинтересовала И. В. Сталина: значит ли это, что «в указанном случае будет ликвидировано лондонское правительство»? Получив от Ф. Рузвельта и У. Черчилля утвердительный ответ, советский руководитель уточнил, кому тогда достанется «национальная собственность

Польша, которой сейчас распоряжается польское правительство в Лондоне»? Ф. Рузвельт категорически заявил: «Собственность Польши, находящаяся за границей, автоматически перейдет к новому польскому правительству». С мнением президента охотно согласился и У. Черчилль.

В. М. Молотов, выступавший затем от имени советской делегации, пункт за пунктом раскритиковал предложения Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Коротко упомянув о разногласиях относительно Западной Нейсе, нарком предложил участникам конференции спросить поляков, что они сами об этом думают. Можно не сомневаться, утверждал он, что «поляки выскажутся за линию, предложенную советским правительством».

Равным образом, по словам В. М. Молотова, союзники не могут «игнорировать тот факт, что в Польше уже существует правительство и что оно находится в Варшаве» — это фактическое правительство, и если президент и премьер-министр будут настаивать на своем мнении, то «поляки могут с ними не согласиться». Зато приняв решение о том, что «нынешнее правительство должно быть расширено и пополнено», союзники ничем не рискуют, ибо успех обеспечен. Важное преимущество членов существующего правительства в Варшаве по сравнению с зарубежными деятелями В. М. Молотов усматривал в том, что одни «тесно связаны с национальными событиями в Польше», а другие «не участвовали в решающих событиях». Поэтому соглашение между союзниками возможно только на основе советских предложений — «нынешнее польское правительство должно быть расширено».

В. М. Молотов дал четко понять, что предметом переговоров может быть лишь «вопрос о том, сколько новых членов и кто именно должны быть в него введены». В этой связи нарком позитивно оценил пожелание Ф. Рузвельта провести в Москве переговоры о составе польского правительства: «Советская делегация согласна с тем, чтобы такое поручение было дано Гарриману, Керру и мне». Не возражал он и против участия в этих переговорах самих поляков. Но, предупредил он, может случиться так, что «члены временного польского правительства (в Варшаве. — *Прим. ред.*) не захотят иметь дело с некоторыми лицами».

Когда Ф. Рузвельт поинтересовался, как советская делегация относится к его проекту учреждения в Польше президентского совета, В. М. Молотов прямо заявил, что считает это предложение опрометчивым. Если его принять, то «вместо одной трудной проблемы у нас будут две трудные проблемы... в результате трудности увеличатся, а не уменьшатся». Кроме того, заметил он, на освобожденной территории Польши уже действует учреждение представительной власти — Крайова Рада Народова, «законный орган, который тоже может быть расширен». Ведь, утверждал он, «Крайова Рада и временное правительство — временные органы» власти в Польше. По сути, и СССР, и его союзники преследуют «одну общую цель: возможно скорее провести выборы, которые позволят создать постоянные органы управления»¹⁰⁸.

У. Черчилль взял слово после В. М. Молотова. Его совершенно не убедил довод главы НКВД, что после выборов в Польше временное правительство неизбежно уступит место постоянному. Разумеется, У. Черчилль не отрицал, что многие поводы для недоразумений между союзниками исчезли бы, «если бы в Польше произошли свободные выборы на основе всеобщего голосования». Великобритания, по его словам, незамедлительно признала бы «всякое польское правительство, которое появилось бы в результате этих выборов, и отвернулась бы от лондонского правительства». Но, подчеркнул он, британскому правительству внушает тревогу не то, что произойдет в Польше после выборов, а то, что может случиться «в промежуточный период до того, как станет возможным организовать выборы»¹⁰⁹.

Ф. Рузвельт обратил внимание участников конференции на совпадение их мнений в одном важном пункте: «В Польше возможно скорее должны быть проведены всеобщие выборы»¹¹⁰.

И. В. Сталин видел причину недовольства У. Черчилля нынешним временным правительством Польши в том, что оно «не избрано». Он попросил премьер-министра принять во внимание, что «во Франции правительство де Голля тоже не избрано». Но это не мешает союзникам поддерживать с ним отношения, даже подписывать соглашения. «Почему, — спра-

шивал И. В. Сталин, — от Польши требовать большего, чем от Франции?» В действительности же положение «не так трагично, как его рисует Черчилль». Если отбросить предубеждения, «не придавать излишнего значения второстепенным» деталям, «сконцентрировать внимание на главном», то, по мнению советского руководителя, польский вопрос «можно успешно разрешить». Во всяком случае, «легче реконструировать существующее временное польское правительство, чем создавать совсем новое».

Когда советский руководитель закончил, Ф. Рузвельт еще раз попытался перевести дискуссию в деловое русло: «Когда будет возможно проведение свободных выборов в Польше?» И. В. Сталин ответил: «Через месяц, если не произойдет какой-либо катастрофы на фронте». Услышав это обещание, слово взял У. Черчилль: «Разумеется, свободные выборы успокоили бы умы в Англии. Британское правительство поддержало бы новое правительство, и все остальные вопросы отпали бы». Премьер-министр вспомнил и о законных интересах Советского Союза, которые только что был готов принести в жертву политическим идеалам: «Конечно, мы не можем просить ни о чем, что мешало бы военным операциям советских войск. Эти операции должны стоять на первом месте. Но если бы оказалось возможным через два месяца провести выборы, то создалась бы совершенно новая ситуация, и никто не мог бы этого оспаривать»¹¹¹.

Проработать новые предложения и идеи главы правительств поручили министрам иностранных дел. Их заседание 9 февраля и началось с обсуждения, как выразился Э. Стеттиниус, «главного вопроса — о Польше». Государственный секретарь не скрывал, что цена этого вопроса для американского правительства очень высока: «В США идет напряженная внутренняя борьба по вопросу об их вступлении в международную организацию безопасности», именно поэтому так важно найти «решение, которое удовлетворит общественное мнение США». Э. Стеттиниус выражал готовность американской делегации к компромиссам: «Мы согласны... с предложением советской делегации снять вопрос о президентском совете». А коль скоро все участники конференции разделяют мнение, что «поляки сами должны решать свои дела», он не видит причин, из-за которых они не могли бы прийти к соглашению.

А. Иден тоже пожаловался на «трудности в польском вопросе»: «Многие считают, что, согласившись на линию Керзона, правительство Великобритании сурово обошлось с поляками». Он не исключал, что британское правительство может ошибаться «в своих оценках люблинского правительства». А. Иден дал понять, что британская делегация настаивает на создании «нового правительства Польши» главным образом по политическим соображениям — для нее это «было бы наиболее удобным способом разрешения польского вопроса»¹¹².

Однако В. М. Молотов продолжал стоять на том, что речь может идти только «о реорганизации польского правительства путем включения в существующее временное правительство Польши представителей демократических элементов из самой Польши и из-за границы». Ссылаясь на высказывания руководителей западных делегаций, он утверждал: «Вопрос о выборах в Польше признается всеми нами главным вопросом». Поскольку выборы состоятся в ближайшее время — И. В. Сталин не исключал, что уже через месяц, а У. Черчилль полагал, что в двухмесячный срок, — «многие трудности» будут сняты. Но в любом случае, заметил нарком, нужно проявлять благоразумие, поскольку «вопрос о выборах в Польше является не только польским вопросом, но и вопросом о тыле Красной армии».

В ходе заседания Э. Стеттиниус внес новые предложения американской делегации по польскому вопросу¹¹³ для обсуждения на совещании министров. После ознакомления с этими предложениями слово взял В. М. Молотов. Он фактически отверг предложенную американцами компромиссную формулу реорганизации действующего в Польше правительства «на базе всех демократических сил» с привлечением в его состав деятелей из-за границы. Нарком подчеркнул, что «реорганизация правительства должна быть проведена на базе временного правительства Польши», мотивировав позицию советской стороны тем, что переговоры с поляками будут трудными и могут затянуться, а между тем «временное польское правительство должно продолжать свою работу по поддержанию порядка в тылу Красной армии».

Положение казалось безвыходным. Э. Стеттиниус напомнил В. М. Молотову, что для правительства США возникли бы трудности, если бы оно согласилось рассматривать «временное польское правительство... базой для создания нового правительства». А. Иден вообще предлагал отказаться от «упоминания, на какой базе» будет организовано новое правительство Польши. Когда Э. Стеттиниус спросил В. М. Молотова, не возражает ли он хотя бы против определения «правительство национального единства», тот уклонился от ответа: «Это предложение можно будет обсудить»¹¹⁴.

На заседании глав правительств, состоявшемся вечером того же дня, 9 февраля, Э. Стеттиниус доложил о том, что по «формуле» польского правительства «три министра иностранных дел пока не достигли соглашения». Но едва государственный секретарь закончил свою речь, как с поистине сенсационным заявлением выступил В. М. Молотов. Он сообщил, что «советская делегация принимает за основу американское предложение. Советская делегация хочет без дальнейших оттяжек выработать общее мнение, сделав некоторые поправки к американскому проекту». В американском проекте слова «на базе всех демократических сил» В. М. Молотов предлагал заменить «на базе более широкого демократизма». Наконец, он просил уточнить, что в выборах смогут принять участие все «нефашистские и антифашистские» демократические партии. Единственное, против чего он категорически возражал, было право послов трех держав контролировать проведение в Польше выборов. «С указанными поправками, — подытожил нарком, — советская делегация считает американские предложения приемлемыми».

Услышав это заявление, У. Черчилль не смог сдержать эмоции: «Возможность соглашения уже носится в воздухе... участники конференции почти держат в своих руках большой ценности приз». Казалось, премьер-министр не может поверить своему счастью. Он призвал участников конференции не торопиться с отъездом из Ялты, потому что нельзя «погубить дело из-за того, что конференции не хватило 24 часов. Если для достижения решения нужны эти 24 часа, то их необходимо найти. Нельзя забывать одного: если участники совещания разведутся, не достигнув соглашения по польскому вопросу, то вся конференция будет расцениваться как неудача»¹¹⁵. Ф. Рузвельт объявил в работе конференции полчасовой перерыв.

Первым после перерыва выступил Ф. Рузвельт. Он выразил общее мнение американской и британской делегаций: «Участники конференции близки к соглашению. В этом вопросе действительно достигнут большой прогресс». Ф. Рузвельт высказал предположение, что «теперь дело сводится лишь к некоторой разнице в словах». Президент США попытался отстоять свое предложение о наделении послов трех держав в Польше правом контроля над выборами: «Нужно сделать какой-то жест, укрепляющий в них уверенность в том, что выборы в Польше будут справедливыми и свободными».

У. Черчилль предложил дополнить декларацию о Польше мотивировочной преамбулой: «Новое положение создалось в связи с полным освобождением Польши Красной армией. Это требует создания полностью представительного временного польского правительства, которое теперь имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до освобождения Польши». Как и американский президент, У. Черчилль указал советской делегации на необходимость контроля над подготовкой и проведением выборов: «Не могут ли быть англичанам предоставлены соответствующие возможности, которыми... охотно воспользовались бы также американцы, чтобы видеть собственными глазами, как улаживаются в Польше существующие раздоры?» В порядке взаимности британское правительство готово содействовать тому, чтобы наблюдатели от СССР, США и Великобритании присутствовали на выборах в Югославии, Греции и Италии. Эти страны и сами того желали бы, пояснил премьер-министр, «чтобы заверить великие державы в их нормальном проведении». Для контраста он привел пример Египта, где, по его словам, «любое правительство, проводящее выборы, всегда побеждает»¹¹⁶.

И. В. Сталин в ответном слове пообещал, что партии, стоящие в оппозиции к нынешнему правительству Польши, примут участие в выборах, если они не фашистские. Когда У. Черчилль выразил сомнение в том, правомерно ли «проводить водораздел по линии фашистский

и нефашистский», И. В. Сталин сослался на проект «Декларации об освобожденной Европе», предложенный американской делегацией. В этом документе, по его словам, «различие между фашизмом и антифашизмом проводится очень четко... Пример Польши будет примером осуществления на практике принципов декларации об освобожденной Европе»¹¹⁷.

Министры иностранных дел на своем заседании, состоявшемся в тот же день, 9 февраля, продолжали дискуссию по поводу отдельных слов и формулировок: «представительное правительство», «фашистский», «антифашистский», «демократический» и других. Работу над текстом декларации о Польше министры возобновили 10 февраля. Э. Стеттиниус, открывший это совещание, сообщил о согласии американской делегации исключить из нее положение о контроле послов над подготовкой к выборам. В. М. Молотов предложил заменить это положение обязательством США и Великобритании установить дипломатические отношения с правительством национального единства, когда оно «будет сформировано должным образом». А. Иден не согласился с такими изменениями в документе, сославшись на мнение премьер-министра, но на этот раз он остался в меньшинстве¹¹⁸.

Это дело показало У. Черчиллю и А. Идену настолько важным и срочным, что послужило основанием для их встречи с И. В. Сталиным еще до начала заседания глав правительств. Они предложили дополнить декларацию положением о том, что по докладам своих послов державы «будут осведомлены о положении в Польше». Против такой банальности И. В. Сталин не возражал¹¹⁹. У. Черчилль впоследствии отметил в своих воспоминаниях: «Это было наибольшее, чего мне удалось добиться»¹²⁰.

На заседании глав правительств, состоявшемся 10 февраля, А. Иден огласил текст заявления о Польше, согласованный министрами иностранных дел на своих совещаниях накануне вечером и утром текущего дня. Только теперь члены делегаций обратили внимание на то, что уделив много времени и внимания «формуле» правительства, они забыли высказаться в документе о границах Польши. Ф. Рузвельт предложил вообще оставить этот вопрос на усмотрение мирной конференции. С ним не согласился У. Черчилль, отметивший важность «достигнутого соглашения о восточной границе Польши». Но если, продолжал премьер-министр, опубликовать только это соглашение и ничего не сказать о западной границе, «то народ сразу же спросит: а какова граница Польши на западе?». Поэтому, по его мнению, «что-то все-таки должно быть сказано о западной границе». У. Черчилль предложил «найти какую-либо подходящую формулу», не оставляющую сомнений в том, что «Польша должна получить прирост территории к западу и к северу и что при решении этого вопроса мнение польского правительства будет учтено». И. В. Сталин и Ф. Рузвельт с этим предложением согласились. К концу заседания британская делегация представила «проект добавления к заявлению о Польше относительно ее границ». С поправками Ф. Рузвельта он и был принят¹²¹.

Каждый из участников конференции имел основание гордиться решением по польскому вопросу как своим персональным дипломатическим успехом. Стороны достигли соглашения с большим трудом. Но исследователи обратили внимание на то, что доводам И. В. Сталина, которыми мотивировалась советская позиция, У. Черчилль и Ф. Рузвельт не смогли противопоставить серьезных возражений. Высказывается предположение, что на самом деле они смирились с неизбежностью существенных уступок Советскому Союзу по польскому вопросу еще до Ялты¹²². Именно поэтому главы западных делегаций, начав с громогласных деклараций, в итоге свели дискуссию к поиску приемлемых для себя политкорректных формулировок.

Однако все участники конференции при этом сознавали, что борьба за будущее Польши и всей Европы продолжается и ее исход решениями, принятыми в Ялте, отнюдь не предопределен. На утреннем заседании глав правительств 11 февраля при обсуждении проекта заключительного коммюнике У. Черчилль по поводу места, касающегося Польши, заметил, что предвидит большую критику в адрес английского правительства, «в особенности со стороны лондонских поляков, и обвинения его в том, что оно сдало свои позиции СССР». Премьер-министру ответил Ф. Рузвельт: «В Соединенных Штатах в десять раз больше поляков, чем у Черчилля в Англии, но он тем не менее будет всемерно защищать декларацию

о Польше». И. В. Сталин сохранял молчание¹²³. На последнем заседании глав правительств вечером 11 февраля соответствующий раздел протокола Ялтинской конференции был принят без поправок и замечаний¹²⁴.

Достижение компромисса по польскому вопросу открыло в Ялте путь к принятию «Декларации об освобожденной Европе», подготовленной Госдепом США. Этот документ представлял собой попытку установить общую ответственность великих держав за установление демократических порядков в освобожденных странах Европы и тем самым противодействовал концепции сфер влияния.

В. М. Молотов попытался внести в декларацию пункт о том, что при подборе кандидатур во временные правительственные структуры освобождаемых стран Европы следовало бы отдать предпочтение лицам и партиям, «наиболее активно принимавшим участие в движении Сопротивления»¹²⁵. Впоследствии он вспоминал: «Мы подписали очень важную декларацию. Сталин в самом начале с большим трепетом к этому относился на Ялтинской конференции, в 1945-м. Об освобождении народов Европы. Пышная декларация. Американцы дали проект. Я к Сталину пришел с этим документом, говорю ему: «Что-то уж чересчур». — «Ничего, ничего, поработайте. Мы можем выполнить потом по-своему. Дело в соотношении сил»¹²⁶. Уступки советской делегации позволили принять «Декларацию об освобожденной Европе».

Принятая декларация провозглашала: «Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия»¹²⁷.

Участников Ялтинской конференции устраивало и то обстоятельство, что не предусматривалось никакого эффективного контроля над реализацией положений декларации в странах Европы. Осталось лишь положение о взаимных консультациях по общему согласию. «Декларация об освобожденной Европе» ориентировала на ликвидацию влияния в политической жизни нацистских и фашистских группировок, на развитие европейских стран по пути демократии.

Дальний Восток

Обстановка на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий официально участниками Ялтинской конференции не обсуждалась. СССР был связан с Японией договором о нейтралитете. Но Ф. Рузвельт остро нуждался в советской помощи для борьбы с японской агрессией, поэтому не мог себе позволить упустить благоприятную возможность и поднять этот вопрос в неофициальном порядке. Еще 5 февраля 1945 г. президент обратился к И. В. Сталину с посланием, в котором предлагал обсудить ряд вопросов советско-американского военного сотрудничества в ожидании «разрыва между Россией и Японией»¹²⁸. Беседа руководителей советской и американской делегаций на эту тему состоялась 8 февраля, за полчаса до начала заседания глав правительств.

Ф. Рузвельт попросил И. В. Сталина дать согласие на создание американских авиабаз на советской территории — в Комсомольске-на-Амуре или в «другом подходящем районе». Свою просьбу он мотивировал тем, что «не хочет высаживать войска в Японии», поскольку «высадка будет сопряжена с большими потерями». Президент рассчитывал «подвергнуть Японию сильной бомбардировке» — настолько разрушительной, чтобы заставить ее сложить оружие, «не высаживаясь на острова». В связи с необходимостью обслуживания авиабаз Ф. Рузвельта беспокоил и вопрос о «линиях снабжения через Тихий океан и Восточную Си-

бирь». Как он пояснил И. В. Сталину, речь шла о доставке из США морским путем грузов, предназначенных для американских военнослужащих.

Советский руководитель нашел просьбы Ф. Рузвельта заслуживающими внимания, но одновременно дал понять, что президент немного забегает вперед. «Все это хорошо, — заметил И. В. Сталин, — но... как обстоит дело с политическими условиями, на которых Советский Союз вступит в войну против Японии». При этом он сослался на свои беседы с А. Гарриманом в Москве в декабре 1944 г.¹²⁹

В ответ Ф. Рузвельт твердо обещал, что «южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу», как того и желал И. В. Сталин. Что же касается других советских требований, то их удовлетворение президент ставил в зависимость от согласия Китая и Великобритании. Он признался, что пока еще не обсуждал с Чан Кайши вопрос о передаче в пользование Советскому Союзу незамерзающего порта Дайрен на юге Ляодунского полуострова, кроме того, сначала нужно договориться о международно-правовой стороне дела. Президент усматривал два способа предоставления СССР прав на пользование этой гаванью: «создание свободного порта, подчиненного контролю международной комиссии», и сдача его в аренду. Сам Ф. Рузвельт признавал нежелательным последний из указанных способов. Свою позицию он мотивировал тем, что намеревался в будущем склонить Великобританию к отказу от аренды Гонконга, поэтому ему будет трудно убедить У. Черчилля принять искомое решение, если тот узнает, что Советский Союз получит в аренду порт на севере Китая.

Эти доводы не произвели никакого впечатления на И. В. Сталина. Он спросил, а что думает президент «о сохранении статус-кво Внешней Монголии», то есть Монгольской Народной Республики, поддерживаемой СССР. Но хотя Ф. Рузвельт и пытался обнадежить советского руководителя, оказалось, что и по этому вопросу он с китайцами еще не обменялся мнениями. Ничего более президент не смог сообщить и относительно Китайско-Восточной железной дороги: он «пока не говорил об этом с Чан Кайши», но уверен, что «по этому вопросу можно будет договориться». Впрочем, как и в случае с незамерзающим портом, он снова пустился в рассуждения о том, что аренде Советским Союзом этой железной дороги Ф. Рузвельт предпочитал установление контроля над ней «со стороны смешанной комиссии, состоящей из русских и китайских представителей».

И. В. Сталин не скрывал своего разочарования. Согласно записи беседы, он, не дослушав президента, заявил: «Если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии». Ф. Рузвельт даже не пытался возражать и поспешил сменить тему, но И. В. Сталин остановил его, заметив, что «международный контроль приемлем для Советского Союза»¹³⁰.

В финальной части беседы оба лидера затронули некоторые другие вопросы, касающиеся положения на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий: о будущем Кореи, положении в Китае и Индокитае. Кроме того, И. В. Сталин согласился на удовлетворение двух других просьб Ф. Рузвельта: о предоставлении американцам аэродрома в районе Будапешта для заправки горючим и базирования самолетов, участвующих в боевых вылетах против Германии, и о разрешении американским специалистам изучить результаты бомбардировок, осуществленных союзной авиацией в Восточной и Юго-Восточной Европе. Со своей стороны, Ф. Рузвельт предложил на льготных условиях предоставить Советскому Союзу часть тоннажа американского морского флота, которая высвободится после войны. И. В. Сталин, явно обрадованный намерением президента, заметил, что «это будет другим замечательным мероприятием Соединенных Штатов». Он пояснил, что сравнивает последнее предложение Ф. Рузвельта с таким «изобретением американцев», как ленд-лиз, которое оценил исключительно высоко: «Если бы не ленд-лиз, то победа была бы сильно затруднена»¹³¹.

По свидетельству У. Черчилля, в тот же день, 8 февраля, во время конфиденциальной беседы он поинтересовался у И. В. Сталина: «Чего русские хотят на Дальнем Востоке?» И услышал в ответ, что «они хотят получить военно-морскую базу, такую, например, как

Порт-Артур». Премьер-министр горячо поддержал это желание: «Мы будем приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане и высказываемся за то, чтобы потери, понесенные Россией во время Русско-японской войны, были восполнены»¹³².

Впрочем, мнение У. Черчилля особого значения не имело, поскольку он не участвовал в советско-американских переговорах по Дальнему Востоку. 10 февраля, когда советская делегация представила американцам свой проект соглашения, Ф. Рузвельт его забраковал, потребовав внести ряд поправок: Порт-Артур и Дайрен передавались Советскому Союзу, но не в аренду, а на правах вольного порта, тогда как маньчжурские железные дороги переходили под совместное советско-китайское управление. Указал президент и на необходимость договоренности по этим вопросам с Китаем. Ознакомившись с поправками, И. В. Сталин уже в конце дня сообщил Ф. Рузвельту, что не возражает против предоставления Дайрену статуса вольного порта, находящегося под международным контролем, но обязательно с уточнением, что «в этом порту должны быть гарантированы преобладающие интересы Советского Союза». Что же касается Порт-Артура, он продолжал настаивать на его аренде в качестве «морской базы СССР». Президент США принял предложенный ему компромисс. Аналогичным способом были преодолены разногласия относительно железных дорог в Маньчжурии — совместное управление, но с гарантией соблюдения интересов СССР. Кроме того, президент обещал заручиться поддержкой советско-американского соглашения со стороны Чан Кайши¹³³. Отредактированный таким образом документ главы правительств подписали 11 февраля. На согласованных условиях Советский Союз принял на себя обязательство вступить в войну против Японии «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе»¹³⁴.

Соглашение по Дальнему Востоку стало одним из самых секретных документов, подписанных руководителями трех держав в Ялте. О нем не упоминалось ни в протоколе работы Крымской конференции, ни тем более в официальном сообщении для печати, опубликованном 13 февраля. Никто из лиц, причастных к нему, — ни министры иностранных дел, редактировавшие его текст, ни главы правительств, его подписавшие, — не проронил о нем ни полслова в своих публичных заявлениях об итогах встречи. По свидетельству У. Черчилля, завеса секретности окружала это соглашение вплоть до новой и последней конференции большой тройки в Потсдаме. Впрочем, в своих воспоминаниях он сознается, что сам же допустил утечку информации: 5 июля У. Черчилль сообщил о соглашении премьер-министрам доминионов¹³⁵.

Была ли оправдана такая секретность? Американские исследователи склоняются к положительному ответу: «Она гарантировала Советскому Союзу военную безопасность, откладывала любую возможную реакцию китайского правительства или китайских коммунистов на соглашение и предотвращала активные дебаты в Соединенных Штатах, которые ослабили бы единство союзников»¹³⁶.

Единство в войне и мире

Советское дипломатическое ведомство быстро определилось с оценками решений, принятых в Ялте. 15 февраля 1945 г. И. М. Майский подготовил «проект информационной телеграммы нашим послам и посланникам за границей по вопросу о Крымской конференции». В документе указывалось, что ее участники приняли, кроме упомянутых в официальном сообщении для печати, «еще ряд решений, не подлежащих опубликованию». И. М. Майский перечислил их в следующем порядке:

1. О расчленении Германии;
2. О репарациях;
3. О голосовании в Совете Безопасности;

4. О так называемой «территориальной опеке» над менее развитыми народами;

5. «Польский вопрос занял на конференции очень много времени и неоднократно обсуждался как на заседаниях самой конференции, так и на совещаниях трех министров иностранных дел (эти совещания происходили ежедневно параллельно с общими заседаниями конференции и обычно подготовляли для нее проекты решений). В конечном счете была принята опубликованная в коммюнике декларация, в основу которой легли наши предложения»;

6. «На конференции т. Сталин сделал заявление о том, что конференция в Монре́е устарела и требует пересмотра в смысле предоставления больших прав и возможностей СССР. Англичане и американцы в принципе не возражали против пересмотра конвенции»;

7. «Англичане и американцы пытались поднять на конференции вопрос об Иране (конкретно о выводе из Ирана союзных войск и об эксплуатации нефтяных источников Ирана), однако мы уклонились от обсуждения данного вопроса»;

8. «Общая атмосфера на конференции носила дружественный характер и чувствовалось стремление прийти к соглашению по спорным вопросам. Мы оцениваем конференцию как весьма положительный факт, в особенности по польскому и югославскому вопросам¹³⁷, также по вопросу о репарациях»¹³⁸.

Сохранились замечания, которые к проекту И. М. Майского в тот же день, 15 февраля, сделал А. Я. Вышинский. Большею частью они носят уточняющий характер, но по крайней мере в одном случае внесенная им правка меняла смысл оригинала. А. Я. Вышинский предложил исключить из проекта следующую фразу, относящуюся к иранским делам: «Однако мы уклонились от обсуждения данного вопроса». По-видимому, заместитель наркома нашел ее слишком откровенной. А. Я. Вышинский потребовал заменить ее более туманной формулировкой: «Советская делегация представила свои возражения против обсуждения этого вопроса, указывая, что для такого обсуждения нет оснований»¹³⁹.

Наркомат иностранных дел отслеживал отзывы на Ялтинскую конференцию, приходящие из-за рубежа. Судя по документам, они были довольно противоречивы. 18 февраля генеральный консул СССР в Нью-Йорке Е. Д. Киселев сообщил А. Я. Вышинскому: «Реакция на Крымскую конференцию в США в общем чрезвычайно благоприятна, за исключением совершенно определенной прессы и группировок, от которых атаки на решения конференции можно было предвидеть заранее». Автор этого письма все же советовал руководству НКВД не терять бдительности, поскольку «польские реакционные силы и их американские покровители уже начали широко задуманную кампанию давления на членов федерального сената с целью подготовки их в свою пользу для решающего момента ратификации сенатом мирного договора». Генконсул сослался на своих американских информаторов, которые якобы предупреждали его «о чрезвычайно бурной активности всех реакционных польских организаций». Они, согласно этим данным, развернули «национальную кампанию писем и телеграмм сенаторам от имени якобы шести миллионов поляков американских граждан, надеясь создать впечатление мощного народного движения против предателей Польши»¹⁴⁰.

Но главное, что интересовало советских дипломатов, была реакция официальных властей, в особенности первых лиц западных держав: как они поведут себя после завершения конференции и не откажутся ли от обещаний, на которые были столь щедры? Как отмечалось выше, эти вопросы волновали И. В. Сталина еще в Ялте.

27 февраля 1945 г. У. Черчилль выступил в Палате общин британского парламента с речью¹⁴¹, в которой энергично защищал решения, принятые в Ялте. Большое внимание он уделил польскому вопросу, в частности отметил, что территориальные требования СССР к Польше «всегда основывались на линии Керзона». Но предъявляя свои претензии, «русские всегда предлагали предоставить Польше полную компенсацию за счет Германии на севере и западе». Свою позицию по вопросу о польской границе на востоке У. Черчилль определил четко и ясно: «Я никогда не скрывал от палаты, что лично я считаю, что русское требование справедливо и правильно». Опровергая подозрения в свой адрес, премьер-министр пояснил: «Если я являюсь сторонником такой границы для России, то это не значит, что я склоняюсь

перед силой... я считаю это справедливейшим разделом территории, который может быть произведен при всех обстоятельствах между двумя сторонами, чья история была так тесно связана и так переплеталась».

Вместе с тем У. Черчилль подчеркивал, что важнее границ для него всегда была свобода Польши. Одно время он опасался, не станет ли Польша «протекторатом Советского государства, вынужденным против своей воли, под давлением вооруженного большинства принять коммунистический или тоталитарный строй». Но теперь премьер-министр готов сообщить депутатам, что «маршал Сталин и Советский Союз дали самые торжественные заверения в том, что суверенная независимая Польша будет сохраняться». Однако если кому-то и этого недостаточно, то знайте, продолжал У. Черчилль, «международная организация в свое время также возьмет на себя некоторую степень ответственности в этом вопросе». В итоге, не останется никаких оснований для сомнений в том, что «будущая судьба поляков будет находиться в их руках». Правда, с единственной оговоркой: поляки «должны будут честно проводить, в гармонии со своими союзниками, политику, дружественную по отношению к России».

Защищая решения Ялтинской конференции по польскому вопросу, У. Черчилль даже призвал правомерность поддержки Советским Союзом люблинского правительства. Действия СССР, дал он понять, конечно, вызывают вопросы, но чрезвычайные обстоятельства его оправдывают: «Русские, проводившие и подготовлявшие военные операции величайших размеров против сердца Германии, имели право на то, чтобы коммуникации их армии были защищены упорядоченным тылом, находящимся под властью правительства, действующего в соответствии с их потребностями».

У. Черчилль твердо заявил, что с оптимизмом смотрит в будущее отношений с Советским Союзом: «Впечатление, сложившееся у меня от поездки в Крым и от всех других случаев общения, таково, что маршал Сталин и другие советские лидеры желают жить в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями... Я считаю также, что они — хозяева своего слова... Никогда никакое правительство не выполняло точнее свои обязательства даже в ущерб самому себе, нежели русское советское правительство». Впрочем, предупреждал он депутатов, нельзя предаваться иллюзиям: «Мы вступаем в область неизведанного, и на каждом этапе перед нами встают вопросы. Было бы ошибкой заглядывать слишком далеко вперед. В настоящее время можно надеяться ухватиться лишь за одно звено в цепи судьбы». Но с ответственностью можно утверждать, что благодаря встрече в Крыму горизонт заметен расширился, «узлы, связывающие три великие державы, и их взаимопонимание возросли». В заключение Черчилль заявил: «И я уверен, что перед человечеством открыты лучшие перспективы, чем те, которые оно знало в прошлом веке»¹⁴².

Не заставил себя ждать и Ф. Рузвельт. 1 марта 1945 г. он выступил перед членами конгресса. Его речь больше напоминала лекцию или доклад на научной конференции, тем не менее все основные акценты были четко расставлены¹⁴³. По словам президента, Ялтинская конференция преследовала две главные цели: обеспечить скорейшую победу над Германией, причем с минимальными потерями, и обеспечить порядок и безопасность в мире после хаоса войны. Если ее участники и не достигли вполне этих целей, то хотя бы подошли к ним на близкое расстояние. Во всяком случае, по сравнению со встречей лидеров трех стран в Тегеране они добились осязаемого прогресса. Там тоже военные руководители «трех самых мощных стран разработали планы дальнего прицела», но между гражданскими руководителями состоялся лишь обмен мнениями. В Тегеране не было подписано «никакого политического соглашения», и участники той встречи даже к этому не стремились. Напротив, продолжал Ф. Рузвельт, «на Крымской же конференции наступило время прийти к решению особых вопросов в политической области, и всеми сторонами были приложены огромные усилия к тому, чтобы достигнуть соглашения».

Президент перечислил задачи, стоявшие перед конференцией в Ялте: решить проблемы оккупации и контроля над Германией; устранить немногие оставшиеся разногласия относительно международной организации безопасности; обсудить общие политические и экономические проблемы, касавшиеся всех районов, которые были или будут освобождены от

Лидеры большой тройки после окончания Ялтинской конференции

Проводы делегаций союзников

нацистского ига, а также «особые проблемы, созданные Польшей и Югославией». По мнению Ф. Рузвельта, все эти задачи были успешно решены. На Ялтинской конференции, заявил он, «было достигнуто единодушное соглашение по каждому пункту». Даже более того, уточнил президент: «Я могу сказать, что мы достигли единства мыслей и нашли путь к совместному сотрудничеству». Ф. Рузвельт категорически осудил планы мирового господства, кто бы их ни вынашивал: «Не может быть американского, английского, русского, французского или китайского мира... Должен быть такой мир, который основывается на сотрудничестве всего человечества».

Не мог Ф. Рузвельт обойти молчанием и польский вопрос. Примечательно, что в своей речи он воспользовался аргументами, к которым в Ялте прибегнул И. В. Сталин в обоснование советской политики. «На протяжении всей истории, — заявил президент, — Польша была коридором, через который совершались нападения на Россию. Дважды на протяжении жизни нашего поколения Германия нападала на Россию через этот коридор. Для обеспечения европейской безопасности и всеобщего мира необходима сильная и независимая Польша». Ф. Рузвельт признал, что принятое на конференции решение о «границах Польши было компромиссом». Вместе с тем он утверждал, что «линия Керзона представляет собой справедливую границу между двумя народами», хотя и не исключал, что решение по польскому вопросу, принятое в Ялте, нельзя назвать безупречными. Но президент не допускал сомнения в том, что «при данных обстоятельствах» оно «является самым лучшим из возможных соглашений для свободного, независимого и процветающего Польского государства».

Ф. Рузвельт не побоялся назвать Ялтинскую конференцию «поворотным пунктом в американской истории». В ближайшем будущем он обещал представить на рассмотрение сената и американского народа документ, который, по его словам, «определит судьбу Соединенных Штатов и судьбу всего мира на будущие поколения». Речь шла, разумеется, об учреждении международной организации безопасности. Перед лицом событий такого масштаба, утверждал президент, «не может быть среднего решения... Мы должны взять на себя ответственность за международное сотрудничество или мы должны будем нести ответственность за мировой конфликт».

По мысли президента, Ялтинская конференция должна стать вехой в мировом развитии: «Эта конференция означает конец односторонних действий, исключительных союзов, сфер влияния, системы равновесия сил и всех других способов, к которым прибегали на протяжении столетий и которые не имели успеха». Имея в виду, по всей видимости, не только себя, но и других лидеров большой тройки, Ф. Рузвельт заявил: «Мы предлагаем заменить все эти системы всеобщей организацией, к которой смогут присоединиться в конечном счете все миролюбивые страны».

Оставляя в стороне вопрос о том, какими соображениями руководствовались при этом премьер-министр и президент, отметим лишь следующее. Если их высказывания и не противоречили букве достигнутых в Ялте договоренностей, то в них безошибочно угадывалось стремление связать советских руководителей узами некоей моральной ответственности, которую те на самом деле на себя не принимали. Какие еще мотивы побуждали У. Черчилля без достаточных оснований заявлять о желании советских руководителей жить «в почетной дружбе и равенстве с западными демократиями», а Ф. Рузвельта — ручаться за «единомыслие» союзников? Главным образом, далеко не тщетная предосторожность. Ведь в случае, если бы «что-то пошло не так», они всегда могли бы возложить ответственность на советскую сторону, якобы обманувшую их ожидания.

В этой связи уместно напомнить, что в годы холодной войны широкую популярность на Западе приобрел тезис о том, будто бы именно Советский Союз нарушил обязательства, принятые на себя в Ялте, особенно в отношении стран Восточной Европы. Саму же Ялтинскую конференцию там долгое время изображали как пример «советского диктата», которому якобы не имели возможности противостоять западные лидеры, и как один из символов политико-идеологического «раскола Европы» после Второй мировой войны. Подобная на-

сквозь политизированная трактовка Ялтинской конференции подвергалась резкой критике в советской литературе¹⁴⁴.

Более взвешенные оценки и суждения относительно решений Ялтинской конференции и их значения даются в работах западных историков, опубликованных уже после окончания холодной войны. Французский автор обобщающего труда по истории международных отношений послевоенного периода отмечает: «В Ялте ни о каком «разделе» (Европы. — *Прим. ред.*) речи не шло. Если в мире к этому времени наметились линии размежевания, то это произошло не по взаимному согласию, не благодаря формальным договоренностям участников конференции, а просто вследствие фактического соотношения сил, в то время относительно более благоприятного для русских, чем для западных союзников... Ялта представляла собой попытку зафиксировать сложившееся соотношение военных сил и договориться хотя бы о временных правилах сосуществования (*modus vivendi*)»¹⁴⁵.

Американские исследователи пошли еще дальше по пути критики предвзятых концепций минувшей исторической эпохи. Главное упущение Ялтинской конференции они усматривали не в решениях, которые ею были фактически приняты, а в тех разногласиях между участниками, которые в итоге так и не удалось урегулировать. Если оценивать эту конференцию с точки зрения принятых на ней решений, то, считает историк, ее можно признать несомненным успехом. Однако ее участники, прежде всего Ф. Рузвельт и И. В. Сталин, не смогли преодолеть противоречий в принципиальных подходах к проблемам послевоенного урегулирования. Поэтому, «если копнуть глубже, то мы будем вынуждены признать скорее неудачными переговоры в Ялте, оставившие нерешенными слишком много животрепещущих проблем»¹⁴⁶.

Разногласия, имевшие место между союзниками по ряду проблем, сделали свое дело: «Все эти дестабилизирующие факторы... привели к усилению трений, которые неизбежно должны были возникнуть на завершающем этапе войны и способствовали развязыванию холодной войны»¹⁴⁷.

В связи с этим правомерным будет вопрос: «кто из трех лидеров первым изменил курсу на сотрудничество», провозглашенному Ялтинской конференцией? Вину за это западная историография традиционно возлагает на И. В. Сталина, ссылаясь на признание им в январе 1945 г. люблинского правительства как на решающее доказательство. Однако И. В. Сталин не заслуживает упрека в намерении поставить своих союзников перед свершившимся фактом. Наоборот, советский руководитель явно предвидел дискуссии по этому вопросу на самой конференции и проявлял намерение открыто защищать свою позицию перед союзниками — что называется, был готов предстать перед их «судом». С куда большим основанием названия односторонних заслуживают действия западных держав в период после Ялтинской конференции, предпринимавшиеся «без всякого предварительного уведомления советской стороны». Сам И. В. Сталин прибегнул к подобному методу «не ранее, чем Черчилль и Рузвельт начали досажать ему своими кознями после Ялты»¹⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 2. С. 158.

² Там же. Т. 1. С. 286.

³ Там же. Т. 2. С. 159.

⁴ Там же. Т. 1. С. 287–288.

⁵ Там же. С. 288–289.

⁶ Там же. С. 291.

⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 161.

⁸ Там же. Т. 1. С. 293–294.

⁹ Там же. С. 305–306.

¹⁰ Там же. С. 307.

¹¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 171.

¹² Там же. С. 174.

¹³ Получено в Москве 25 октября 1944 г.

¹⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 176.

¹⁵ Там же. Т. 1. С. 322–323.

¹⁶ Там же. С. 323.

¹⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 177–179.

¹⁸ Там же. С. 179.

¹⁹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 344.

²⁰ Там же. С. 347–348.

²¹ Там же. С. 350.

²² АВП РФ. Ф. 069. Оп. 29. Д. 61. Л. 27.

²³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 352.

²⁴ АВП РФ. Ф. 069. Оп. 29. Д. 61. Л. 3.

²⁵ Там же. Л. 8.

²⁶ Там же. Л. 6.

²⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 356.

²⁸ Там же. Т. 2. С. 196.

²⁹ Там же. С. 359.

³⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 36. Л. 71.

³¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1984. С. 41.

³² Там же. С. 42–43.

³³ Там же. С. 44–45.

³⁴ Там же. С. 45–48.

³⁵ *Harbutt F. J. Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads.* Cambridge, 2010. P. 282.

³⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 36. Л. 23.

³⁷ Вне основного формата конференции по поручению глав правительств проводились также совещания штабов армий трех держав, на которых изучались возможности более тесной координации военных действий советских и союзных войск (См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 13).

³⁸ *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta 1945.* Washington, 1955.

³⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 4.

⁴⁰ Ялта-45: Начертания нового мира. М., 2010.

⁴¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 43.

⁴² *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата 1925–1945 гг. М., 1971. С. 698.

⁴³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 49.

⁴⁴ Там же. С. 49–52.

⁴⁵ Там же. С. 52.

⁴⁶ Там же. С. 53–54.

⁴⁷ Там же. С. 54–55.

⁴⁸ Там же. С. 56–57.

⁴⁹ Там же. С. 58–59.

⁵⁰ Там же. С. 59–60.

⁵¹ Там же. С. 60.

⁵² Там же. С. 60–62.

⁵³ Там же. С. 62.

⁵⁴ Там же. С. 63–64.

⁵⁵ Там же. С. 64.

⁵⁶ Там же. С. 78–79.

⁵⁷ Там же. С. 80.

⁵⁸ Там же. С. 108.

⁵⁹ Там же. С. 72–73.

⁶⁰ Там же. С. 73.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 74–75.

⁶³ Там же. С. 80.

⁶⁴ Там же. С. 106–107.

⁶⁵ Там же. С. 103–104.

⁶⁶ Там же. С. 105.

⁶⁷ Там же. С. 107.

⁶⁸ Там же. С. 105–106.

⁶⁹ Там же. С. 156.

⁷⁰ Там же. С. 151–152.

⁷¹ Там же. С. 162, 171.

⁷² Там же. С. 184.

- ⁷³ Там же. С. 181.
- ⁷⁴ Там же. С. 195–196.
- ⁷⁵ Там же. С. 199–201.
- ⁷⁶ Там же. С. 215.
- ⁷⁷ Там же. С. 205, 207.
- ⁷⁸ Там же. С. 81–82.
- ⁷⁹ *Harbutt F. J.* Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. P. 287.
- ⁸⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 89.
- ⁸¹ Там же. С. 111.
- ⁸² Там же. С. 112–113.
- ⁸³ Там же. С. 111–112.
- ⁸⁴ Там же. С. 112.
- ⁸⁵ Там же. С. 113–114.
- ⁸⁶ Там же. С. 115.
- ⁸⁷ Там же. С. 122.
- ⁸⁸ Там же. С. 123.
- ⁸⁹ Там же. С. 123–124.
- ⁹⁰ Там же. С. 135, 146.
- ⁹¹ Там же. С. 138.
- ⁹² Там же. С. 241–242.
- ⁹³ Там же. С. 205.
- ⁹⁴ Там же. С. 90–91.
- ⁹⁵ Там же. С. 91–92.
- ⁹⁶ *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 506.
- ⁹⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 93–95.
- ⁹⁸ *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. М., 2010. С. 294–295.
- ⁹⁹ Американский президент явно сгустил краски: польский вопрос как вопрос большой европейской политики возник в XVIII в. в связи с ослаблением польской государственности и разделами Польши.
- ¹⁰⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 96.
- ¹⁰¹ Берут и Осубка-Моравски.
- ¹⁰² Рузвельт предлагал рассмотреть кандидатуры епископа Сапеги из Кракова, Винцента Витоса, Жулавски, Буяка, Кутшебы.
- ¹⁰³ Миколайчика, Грабски и Ромера.
- ¹⁰⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 119–120.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 116, 120–121.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 116–117.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 139, 146–147.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 140–141.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 141–142.
- ¹¹⁰ Там же. С. 142.
- ¹¹¹ Там же. С. 143–144.
- ¹¹² Там же. С. 149–150.
- ¹¹³ Эти предложения были внесены Э. Стеттиниусом прямо на заседании министров иностранных дел 9 февраля. Их главные положения заключались в следующем: американская делегация снимала свой

проект создания в Польше президентского совета; предлагалась компромиссная формула преодоления разногласий по характеру польского правительства: «Теперешнее временное правительство Польши будет реорганизовано во вполне представительное правительство на базе всех демократических сил в Польше с включением демократических деятелей Польши из-за границы, причем это правительство будет называться «временным правительством национального единства»; это правительство «должно было принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы... в которых все демократические партии будут иметь право принимать участие и выставлять кандидатов»; за выполнением польским правительством своих обязательств должны были наблюдать послы трех держав (См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 155).

¹¹⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 153–154.

¹¹⁵ Там же. С. 161.

¹¹⁶ Там же. С. 165–166.

¹¹⁷ Там же. С. 166–167.

¹¹⁸ Там же. С. 180–181.

¹¹⁹ Там же. С. 192–194.

¹²⁰ *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 6-ти т. Т. 6. Триумф и трагедия / Пер. с англ. М., 1998. С. 217.

¹²¹ В тексте добавления вместо слов «три державы» У. Рузвельт предложил поставить «главы трех правительств». Как он пояснил, «если будет сказано «три державы», то он как президент должен будет поставить этот вопрос на обсуждение в конгресс, чего желательно избежать» (См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 197–198, 202–203).

¹²² *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / Пер. с англ. М., 2004. С. 365.

¹²³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 206.

¹²⁴ Там же. С. 223.

¹²⁵ *Наринский М. М., Филитов А. М.* Советская внешняя политика в период Второй мировой войны. М., 1999. С. 121.

¹²⁶ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 76.

¹²⁷ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 186–189.

¹²⁸ Там же. С. 134; Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 198.

¹²⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2. 1944–1945 гг. М., 1984. С. 269–274.

¹³⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 129–131.

¹³¹ Там же. С. 133.

¹³² *Черчилль У.* Указ. соч. С. 220.

¹³³ *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 459–462.

¹³⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 254–255.

¹³⁵ Черчилль У. Указ. соч. С. 220–221.

¹³⁶ Фейс Г. Указ. соч. С. 464.

¹³⁷ По югославскому вопросу в Ялте была принята рекомендация немедленно ввести в действие соглашение Тито — Шубашич и образовать временное объединенное правительство на основе этого соглашения.

¹³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 37. Л. 2–6.

¹³⁹ Там же. Л. 7–8.

¹⁴⁰ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 29. Д. 43. Л. 4–5.

¹⁴¹ Там же. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 36. Л. 8–9, 12–16, 23–24.

¹⁴² *Winston S. Churchill: His Complete Speeches, 1897–1963*. N. Y., 1974. P. 1–86.

¹⁴³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7-а. Д. 36. Л. 67–68, 73, 75–78.

¹⁴⁴ Ялтинская конференция 1945 г. Уроки истории. М., 1985. С. 135–145; *Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Чельшев И. А.* Правда и ложь о Второй мировой войне. М., 1988. С. 249–250.

¹⁴⁵ *Milza P.* Les relations internationales de 1945 à 1973. P., 1996. P. 34.

¹⁴⁶ *Harbutt F. J.* Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. P. 400–401.

¹⁴⁷ Ibid. P. 403–404.

¹⁴⁸ Ibid. P. 404–405.